

С. А. КАУФМАН

ИЗ ИСТОРИИ СОФИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ

Один из величайших памятников мировой архитектуры, София Константинопольская, был, как известно, обращен в мечеть и потому оставался почти не исследованным до 30-х годов XX в. Произведший ценнейшую реставрацию Софии сотрудник русского посольства в Стамбуле Фоссати и привлеченный им Зальценберг, имевшие возможность изучать памятник в середине XIX в., мало способствовали выяснению сложных вопросов, связанных с его постройкой и многократными восстановлениями и перестройками. Напечатанные в те времена зарубежные монографии не были основаны на углубленном изучении памятника и сравнительно мало останавливались на истории его возникновения. Наиболее интересные высказывания об историческом развитии Софии и об объективной ценности разновременных добавлений можно найти в работах русских исследователей византийского искусства Кондакова, Вульфа и Шмидта, но и они вынуждены были довольствоваться лишь предположениями.

Только со времени секуляризации (1934—1935 гг.) и обращения в музей в Софии Константинопольской был, наконец, организован ряд специальных исследований, раньше всего — мозаик. В 1935 г. Шнейдер обследовал субструкцию атрия и более ранние постройки под ним, а в 1937—1941 гг. Эмерсон и Найс детально обмерили само здание Софии и исследовали некоторые из конструкций, главным образом большой купол и его опоры; возможность делать вскрытия была для них ограниченной, так что пришлось довольствоваться подробным изучением случайно обнажившихся конструктивных частей. Позднее, уже во время войны, новый ряд исследований был предпринят музеем Софии; хотя их руководитель, бывший директор этого музея Рамазаноглу, и работал в гораздо более благоприятных условиях, но результаты его вскрытий опубликованы небрежно, а очень смелые предположения автора получили совершенно отрицательную оценку и не вошли в науку.

Исследования Эмерсона и Найса получили частичное истолкование у Конента, который занимался главным образом теми сложными проблемами, которые должны были вставать перед строителями в связи с грозившими катастрофой громадными деформациями, возникшими в предельно и преждевременно нагружавшихся каменных конструкциях. Конент¹ опубликовал только очень короткие статьи; но его подробные подсчеты и соображения были изложены уже в 1940 г. в монографии

¹ K. J. Conant. Заметка в *American Journal of Archaeology* (далее: *AJA*), 1939, p. 589; *idem*. *The first dome of H. Sophia and its rebuilding*. *Bulletin of the Byzantine Institute* (далее: *BBI*), VI, 1946, p. 71—78.

Свифта², получившей широкую известность. О публикации подробнейших обмеров, сделанных до войны Эмерсоном и Найсом, мы до сих пор не знаем; только часть их исследований изложена в специальной статье, опубликованной в 1943 г.³, а позднее (в более популярной форме и несколько шире) — в 1951 г.⁴ Хотя и появившиеся после монографии Свифта статьи Эмерсона и Найса содержат первичный, наиболее значительный материал, фактически это первое научное исследование деформации в сохранившихся до нашего времени частях первой юстиниановой Софии и последовательных обрушений и реставраций второй.

Исходя из предположения, что постройка велась вместо совершенно сгоревшей церкви Феодосия и в чрезвычайно короткие сроки — менее 6 лет (532—537 гг.), — Эмерсон и Найс, Конент и Свифт рисуют следующую картину.

О первом куполе известно фактически только то, что он был более плоским, чем второй, части которого дошли до нас в существующей до сих пор конструкции. Из этого следует, что первый купол был еще более невыгоден в статическом отношении, чем известный нам. Вопрос о причинах обрушения первой Софии может быть отчасти выяснен даже и при почти полном отсутствии данных о самом куполе. Есть основания думать, что деформация столбов началась даже ранее, чем был возведен купол⁵. О неблагоприятии уже в процессе постройки, а именно — в главных пилонах, сообщает Прокопий⁶. Сама дошедшая до нас постройка красноречиво свидетельствует о целом ряде ошибок, допущенных как в проекте (если успели его составить), так и при производстве работ; важнейшая из них — чрезмерная быстрота, из-за которой раствор в толстых швах кирпичных конструкций еще не успевал приобрести достаточную крепость, когда кладка уже получала огромную, часто предельную нагрузку⁷.

Четыре главные пилоня прямоугольных в плане купольных сооружений обычно проектируются симметричными по отношению к диагоналям подкупольного квадрата, так как именно в этих условиях пилоны наилучше противостоят распору парусов, направленному по их осям, т. е. под 45° к осям квадрата. Поэтому пилонам обычно придают форму квадрата или квадрата с двумя выступами. В Софии же главные пилоны имеют не только сложную, но еще и сильно удлиненную форму (рис. 1), которая очень хорошо отвечает задуманной осевой композиции внутреннего пространства (рис. 2), но отнюдь не способствует устойчивости здания⁸. Кроме того, небольшое сечение столбов уменьшено на целую треть на уровне галереи, т. е. как раз там, где пилоны воспринимают громадную нагрузку парусов и подпружных арок: они прорезаны сводчатыми проходами⁹, а верхние полукруглые колоннады удлинены за счет их сечения. Удлинение верхних колоннад эксцентрисировало освещенности углов и

² E. H. Swift. *Hagia Sophia*. New York, 1940.

³ W. Emerson, R. L. Nice. *H. Sophia, preliminary report of a recent examination of its structure*. *AJA*, vol. XLVIII, 1943, № 4, p. 403—436 (далее: Emerson—Nice, 1943).

⁴ W. Emerson, R. L. Nice. *H. Sophia*. *Archaeology*, IV, 1951, p. 94—103 и p. 163—171 (далее: Emerson—Nice, 1951).

⁵ Emerson—Nice, 1951, p. 63; K. J. Conant, *BBI*, VI, p. 74.

⁶ Прокопий. О постройках, I, 1. ВДИ, 1939, № 4.

⁷ При обычной в кладке V—VI вв. толщине швов большей, чем толщина рядов кирпича.

⁸ O. H. Strub-Roessler. *Die Hagia Sophia*. *BZ*, 42, 1942, p. 158—177; Emerson—Nice, 1951, p. 100.

⁹ Emerson—Nice, 1951, p. 100 и рис. 10; E. H. Swift. *Op. cit.*, tab. II (план II этажа); назначение этих проходов сейчас совершенно непонятно, так как они ведут к самому краю галерей.

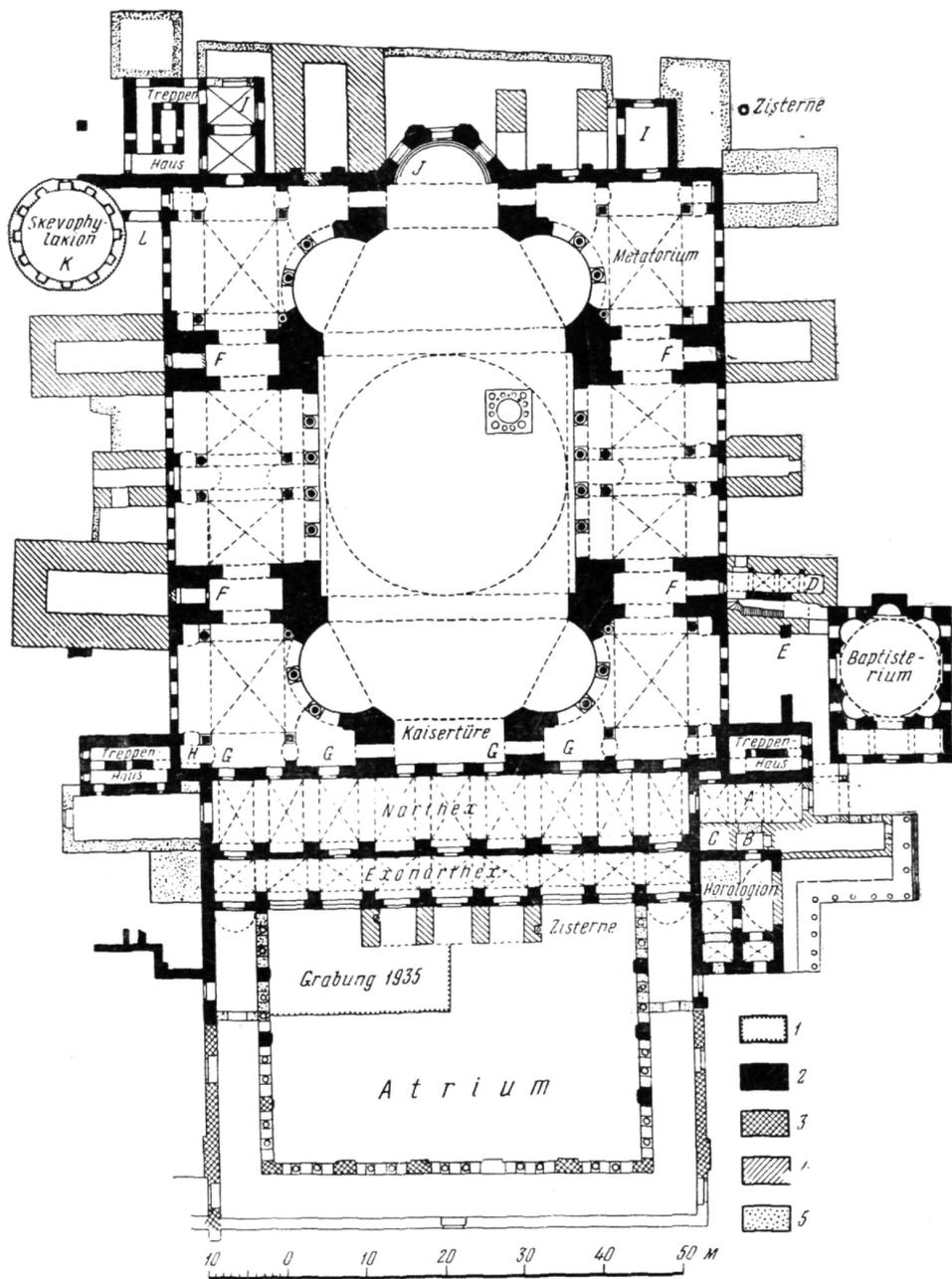

Рис. 1. София. План первого этажа по Антониади с добавлением Шнейдера (литерные обозначения по Рамазаноглу)

1 — доюстиниановский период; 2 — юстиниановский период (сохранившиеся части здания);
 3 — юстиниановский период (фундаменты); 4 — средне- и поздневизантийский период;
 5 — турецкий период.

придало интерьеру большую легкость; однако такое удлинение, вместе с устройством как раз на том же уровне сводчатого прохода, не могло не повлиять отрицательным образом на устойчивость всего здания. Все эти

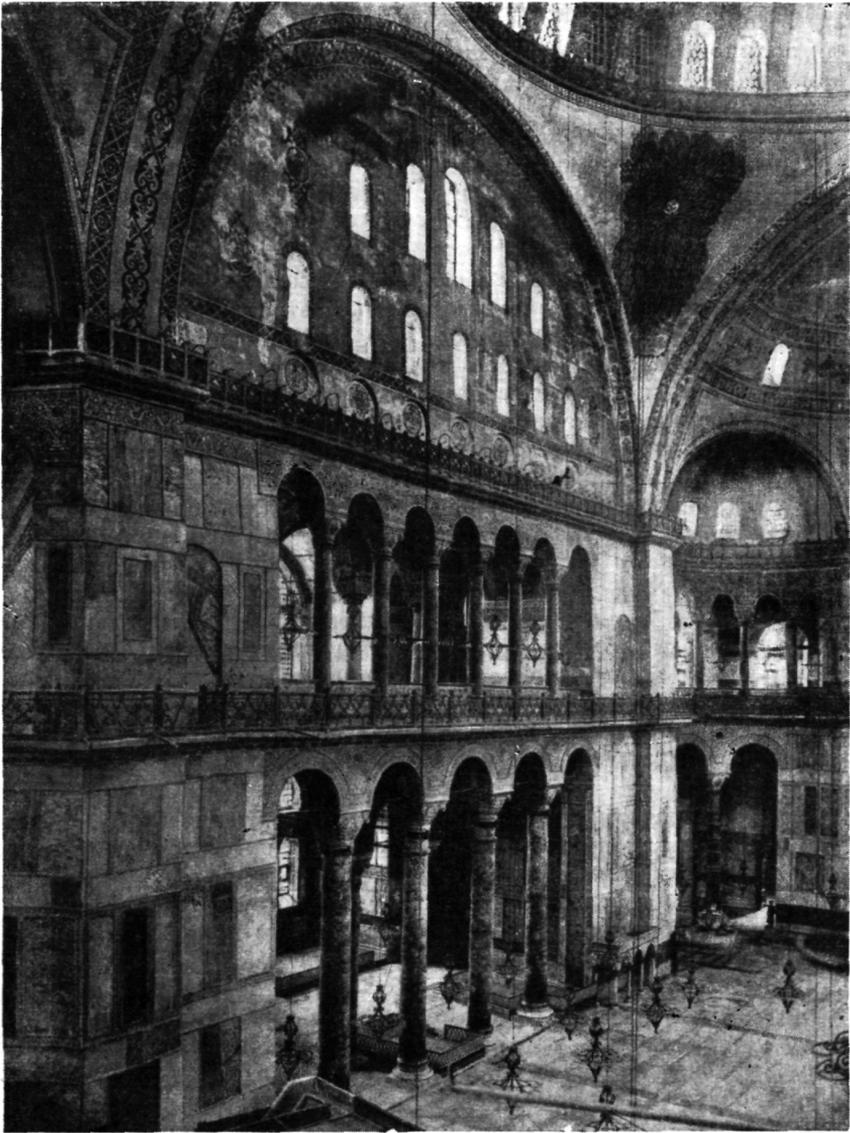

Рис. 2. Интерьер Софии после снятия щитов и ковриков. На первом плане слева Ю.-В. пилон с декоративной аркой на уровне галерей

обстоятельства должны были привести к значительной деформации едва возведенных несущих конструкций уже от собственного их веса и от распора подпружных арок и парусов¹⁰. Когда же был водружен еще и ку-

¹⁰ Конент (BVI, VI, p. 74) считает, что уже первый купол воздвигался на

пол, то вертикальная нагрузка и направленный по диагонали подкупольного квадрата горизонтальный распор еще значительно возросли, а деформация еще увеличилась. Сами пилоны, сложенные в нижней своей части из больших блоков твердого известняка с тонкими швами раствора, а в верхней — со свинцовыми прокладками в наиболее ответственных местах¹¹, хорошо противостояли громадной нагрузке: швы в них и мраморная облицовка нигде не разошлись. Каждый из пилонов, по-видимому, сохранил свою монолитность, но их верхние концы стали постепенно расходиться под влиянием неравномерного распора (см. рис. 3).

Казалось бы, строители могли смело опереть свой тяжелый купол на эти пилоны, стоявшие прямо на материке. Однако они не учли, и не могли учесть по уровню знаний того времени, что материк этот оказался слабее, чем ставшая монолитной кладка столбов¹². Под громадным давлением пилонов более слабый материк стал деформироваться, т. е. давать осадку; а так как пилоны были преждевременно, до окончания осадки в материке, загружены еще и горизонтальным распором от подпружных арок и парусов, который не компенсировался соответствующей формой пилонов и других конструкций, то материк подвергался давлению не только чрезмерному, но еще и неравномерному; поэтому скала стала садиться под наружными кромками пилонов значительно сильнее, чем под внутренними¹³. Столбы стали наклоняться верхними концами наружу и разошлись настолько (на 0,65 м на высоте 23 м от пола¹⁴), что купол должен был бы упасть сразу; удивительным следует считать, по мнению Эмерсона и Найса, не то, что он упал, а то, что он продержался еще несколько лет: расхождение пилонов, на которых он покоился, т. е. их отклонение от вертикали, все росло, и основание купола тем самым увеличивалось в своих размерах. По соображениям Эмерсона и Найса, здания, поставленные на материк, обычно хорошо противостоят сейсмическим толчкам; выдержала бы их и София, если бы ее конструкция не была так близка к обрушению. Но и без того неблагоприятное равновесие, державшееся, так сказать, «на честном слове», не могло не быть нарушено вибрациями, сопутствовавшими землетрясению, и первый купол вскоре обрушился (558 г.)¹⁵.

Традиция, усматривающая в Софии чудо статического равновесия, считает причиной как первого, так и последующих ее обрушений — землетрясения. А между тем достаточно обратить внимание на то, как сильно отклонены пилоны теперешней Софии от вертикали, представленной подвесками ламп, чтобы понять, в каком угрожаемом положении она находилась в период, пока деформации не закончились.

На характер деформаций очень неблагоприятно влияло еще и то обстоятельство, что четыре подпружные арки работали (и работают) в совершенно различных условиях: распору восточной и западной больших арок, пилоны противостояли хуже, чем распору боковых, меньших арок, действовавшему в том направлении, в котором пилоны вытянуты. Поэтому совершенно естественно, что сами пилоны наклонялись не по диагоналям квадрата, а значительно отклонялись от этих диагоналей

¹¹ Еще недавно считалось, что указание Прокопия на свинцовые прокладки фантастично (Swift. Op. cit., p. 51). Но исследования Эмерсона и Найса указали на их наличие, однако не везде, а только в наиболее ответственных местах (Emerson—Nice, 1951, рис. 10).

¹² Emerson—Nice, 1943, p. 411—412; 1951, p. 103.

¹³ Emerson—Nice, 1943, p. 413 и рис. 6.

¹⁴ Emerson—Nice, 1951, p. 164.

¹⁵ Конент (BBI, VI, p. 74) считает, что купол был попросту разобран как ставший угрожаемым.

(рис. 3). Следствием такого отклонения явилась неодинаковость первоначальных деформаций в продольном и поперечном направлениях и, в конечном счете, неквадратная форма подкупольного пространства на том уровне, где покоится купол. Отсюда громадные трудности, возникшие перед Исидором Младшим при восстановлении Софии после обрушения в 558 г. Отсюда и трехкратное обрушение именно восточной и западной арок.

Подкупольное пространство, которое должен был покрыть новым куполом Исидор Младший, оказалось не квадратным, а довольно значи-

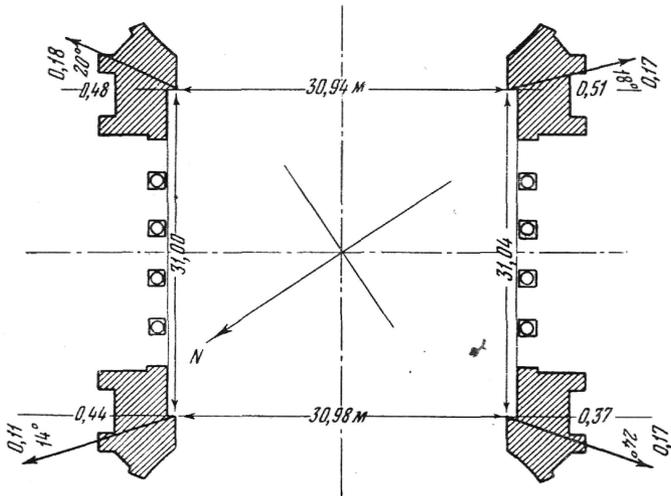

Рис. 3. София. План пилонов купола с показом их смещения; размеры смещений даны на уровне пят подпружных арок (по Эмерсону и Найсу, 1943)

тельно вытянутым в поперечном направлении. Такая неправильность была неприемлема для геометрически мыслящих заказчиков, художников и зрителей. Нужно было значительно расширить боковые подпружные арки от пят к замку. Постепенно расширять арки, не сломав их целиком (предположение Конента¹⁶), было технически невозможно (мнение Свифта¹⁷). Вместе с тем полная замена старых арок новыми противоречила бы той строгой экономии, которую строители были принуждены соблюдать во всем, кроме великолепного декора. Наиболее вероятным кажется поэтому предположение¹⁸, что строители, по-видимому, принуждены были пойти на компромисс, разобрав только верхние части северной и южной арок и расширив только эти, вновь соорудившиеся их части: об этом свидетельствует некоторый перелом в кривой боковых подпружных арок, который почти не заметен снизу, т. е. для большинства зрителей, а потому мог быть допущен из соображений экономии. Небольшое, незаметное для глаза отклонение от правильного круга было допу-

¹⁶ Изложено у Свифта.

¹⁷ E. H. Swift. Op. cit., p. 162, n. 209.

¹⁸ Emerson—Nice, 1943, p. 426, n. 38; p. 428. Хотя обмера подпружных арок сделать и не удалось, но на фото арки кажутся изломанными (см. Свифт, табл. XXIII и XVI; A. M. Schneider. Die Kirche Hagia Sophia zu Konstantinopel. Berlin, [1939], tab. 23). Позднее к этой мысли присоединился и Конент (BVI, VI, p. 75).

щено и в куполе, так что его разбивка представляла значительные трудности.

О том, с какой тщательностью производилась разбивка нового купола Софии, свидетельствует разметка его ребер, нанесенная на мраморные блоки карниза у его основания. Эта разметка наводит на мысль о личном наблюдении Исидора Младшего и свидетельствует о живучести древних строительных традиций и о громадном внимании к геометрической правильности построек. Само исполнение карниза из ровных, плотно пригнанных блоков, гораздо тщательнее, чем карниза в нефе, который явно восходит к постройке Анфимия и Исидора Старшего. Исидор Младший имел возможность проявить к порученной ему работе большее внимание, чем его дядя и более поздние реставраторы X и XIV вв.¹⁹

Интересно и применение материалов. В то время как весь кирпич старых частей Софии однороден и схож с кирпичом в других одновременных зданиях столицы, самые ответственные конструкции, в частности подпружные арки, сложены из громадных квадратных плит (70 см × 70 см), совершенно отличных от остального кирпича не только по размерам, но и по составу теста и по обжигу²⁰. Здесь, по-видимому, были применены римские кирпичи, изготовление которых прекратилось задолго до постройки Софии и которые совершенно неизвестны в других византийских сооружениях. Приходится предполагать, что кирпичи выбирали из полуразрушенных римских зданий, а возможно, иногда и разрушали их, чтобы добыть драгоценный кирпич большого размера и прекрасного качества. Этот прием был повторен и при последующих реставрациях; собирать древние кирпичи делалось все труднее, а потому в конструкциях XIV в. применены не только целые кирпичи, но и совсем небольшие их куски: вера в крепость древних кирпичей продолжала жить даже в XIV в., когда вряд ли даже знали, откуда они происходят.

Дошедший до нас второй купол Софии, как все другие ее своды, состоит не из терракотовых трубок²¹ и не из легких блоков, как часто указывается на основе неверного утверждения позднего автора, так называемого Анонима Бандури²². В действительности купол сложен из кирпича толстыми швами²³, т. е. кладкой, наиболее обычной в константинопольских

¹⁹ Emerson—Nice, 1943, p. 436; 1951, p. 165—166.

²⁰ Emerson—Nice, 1951, p. 102, 168, 170. Павел Силенциарий обращает особое внимание на эту особенность подпружных арок (plinthoi) — по W. R. Lethaby, H. Swainson. The church of s. Sophia, Constantinopl. A study of Byzantine Building, 1894, p. 41.

²¹ Своды и купола с каркасом из терракотовых, специально приготовленных и полых трубок получили развитие и широкое распространение в Западной части Римской империи; из них сложены покрытия многих гражданских и культовых сооружений, в частности купол Сан Витале в Равенне. Неверно очень распространенное указание, будто бы эти покрытия исполнены из амфор (Swift, p. 230, p. 165, со ссылкой на Антониади), или из трубок, сложенных непрерывной спиралью (ibid., p. 231, со ссылками на Джексона и Ривойра). Аналогичное неверное указание у Шуази и многих других авторов. В действительности все известные до сих пор купольные конструкции из трубок исполнены не спиралью, а замкнутыми двойными кольцами. Конструкция из терракотовых трубок до сих пор не обнаружена ни в одном из памятников Восточной империи; нет ее и в куполе Софии. Вопросу о применении в строительстве терракотовых трубок посвящается специальная работа автора.

²² W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin, 1854, S. 19. О блоках первого купола, в 12 раз более легких, чем кирпич, сообщает Аноним Бандури (I, IV, p. 73); Кедрин (Вопнае, p. 140) дает отношение веса 1:6. О втором куполе Аноним тоже говорит, что он сложен из легких белых кирпичей (I, IV, p. 78) — ссылки по Свифту, op. cit., p. 162, л. 211; p. 165, п. 229).

²³ По Зальценбергу (ibidem), швы купола тоньше или равны толщине самих кирпичей. Согласно другим авторам (Lethaby—Swainson. Op. cit., p. 159; Swift. Op. cit., p. 165), швы немного толще, чем кирпичи.

постройках V и VI вв. Такой купол из радиально направленных кирпичей не мог быть ни исполнен, ни восстановлен без жесткой опалубки²⁴. Деревянный настил в пятах купола должен был служить для разбивки кривой²⁵.

Оболочка второго купола имеет толщину около 60 см; вес купола еще утяжеляется ребрами, которые выступают и внутрь и наружу. Кроме того, ребра воспринимают значительную нагрузку от свинцовой кровли и от деревянной конструкции, передающей вес кровли на ребра и выравнивающей наружную поверхность так, что ребра не видны на фасаде.

В этом устройстве кровли сказалось промежуточное положение Софии на рубеже двух эпох. Строители древнего Рима, имевшие неограниченные резервы рабской силы, создавали громадные инертные массы, которые с избытком поглощали распор сводов; и все же римляне заботились об облегчении куполов большого размера: прекрасным примером может служить римский Пантеон, в котором верхняя часть купола сложена на легчайшем балласте из пемзового камня²⁶. Поэтому римляне могли без риска опирать металлическую и даже черепичную кровлю непосредственно на своды и купола, выявляя их форму в силуэте.

Средневековые строители, принужденные экономить материал и рабочую силу, делали своды легкими и стремились уменьшить мертвую массу опор. Они укладывали кровлю не на своды, а на особую, совершенно самостоятельную стропильную конструкцию. Вертикальная нагрузка несколько увеличивалась (на вес деревянных стропил и обрешетки), но вся вертикальная нагрузка от кровли приходилась непосредственно на опорные части и не способствовала увеличению горизонтального распора. Поэтому средневековые здания Запада²⁷ почти неизменно покрывались скатной кровлей.

Авторы Софии Константинопольской имели, вероятно, задание — чтобы купол был виден не только изнутри, но и снаружи; ведь сферической форме придавалось тогда особое, символическое значение. Поэтому тяжелой кровле из свинцовых плит придана форма, непосредственно следующая за кривизной купола. Строители понимали, что такую нагрузку нельзя опереть на относительно тонкую оболочку купола; поэтому они ввели деревянную конструкцию, передающую вес свинцовых плит не на оболочку, а на ребра купола²⁸. Но они не учли, что ни вес, ни распор купола при этом ничуть не уменьшились. В его основании не было кольцевых связей, которые могли бы погасить распор купола и которые устраивались во всех высоко поднятых более поздних куполах (таковы двойные купола Брунеллески над храмом Св. Марии дель Фиоре во Флоренции и Микельанджело над собором Петра в Риме)²⁹. В Софии же распор купола, еще возросший из-за тяжести свинцовой кровли, не погасался в древности кольцевой связью, а передавался массивным парусам и добавлялся к их собственному, и без того громадному распору.

²⁴ Emerson—Nice, 1943, p. 429, n. 40; Conant. BBI, VI, p. 76; Swift, p. 165—166, против A. Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883, p. 66.

²⁵ Emerson—Nice, 1951, p. 165.

²⁶ G. Giovannoni. Volte romane e volte bizantine. Atti del V Congresso internazionale di Studi bizantini, 1936, t. II (1940), p. 135; Enc. It., XXVI, 1935, Panteon, Alb. T(erenzio).

²⁷ Кроме крытых куполами, представлявших исключение.

²⁸ E. H. Swift. Op. cit., p. 167—168.

²⁹ Записка Брунеллески. Atti del I Congresso Nazionale di Storia dell'architettura, 1936 (Firenze, 1938), I, p. 50; о соборе Петра в Риме см. Emerson—Nice, 1951, p. 166.

Главные пилоны, как уже указывалось, не могли противостоять этому распору; отвечающие им столбы у боковых стен тоже приносили мало пользы, так как они не компенсировали диагонального распора парусов. Можно думать, что первоначально эти столбы имели меньшую высоту и что только в процессе работ, когда они стали отклоняться вместе с пилонами³⁰, их довели до основания купола, думая при помощи поперечных

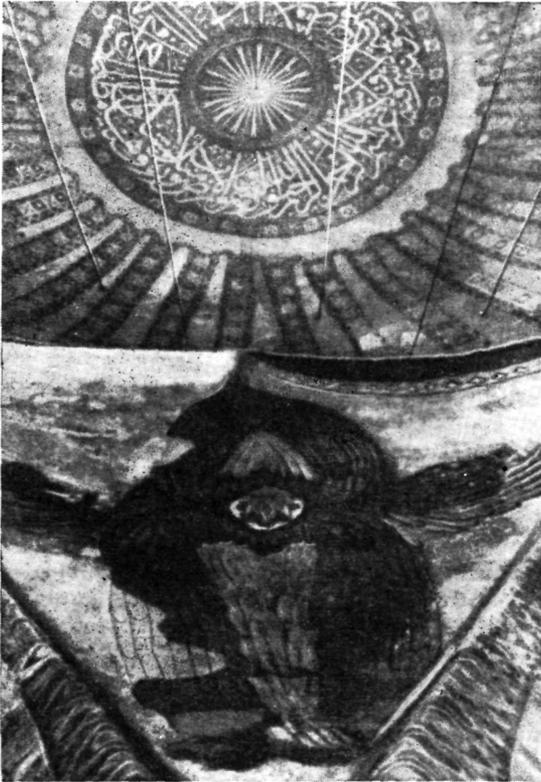

Рис. 4. София. Искажение С.-В. паруса (вид с карниза на уровне пят подпружных арок)

стен создать из них подобие контрфорсов, имеющих столь внушительный вид снаружи и решающим образом влияющих на весь внешний облик Софии. Однако, не имея ни соответствующей массы, ни специальной системы аркбутанов, они оказались тоже недостаточными. Эти обстоятельства еще ухудшили условия равновесия, и любой сейсмический толчок мог привести Софию на грань обрушения; отсюда еще две катастрофы, губившие каждый раз значительную часть здания³¹, и ряд других, менее значительных разрушений.

После обрушения в X в. западной части купола храм восстанавливал армянский архитектор Трдат; произведенные им работы выполнены весьма тщательно; он в значительной мере усилил несущую купол конструкцию и наружные контрфорсы самого купола. Ему удалось сделать почти незаметным сопряжение с частью купола, сохранившейся от Исидора Младшего.

Совсем иной характер носит восстановление восточной части, осуществлявшееся после землетрясения 1344 г. и обрушения купола, произошедшего в 1346 или 1347 г. Условия политического и экономического кризиса отразились самым явным и неблагоприятным образом на этой реставрации³². Восточная часть купола значительно отличается от более ранних: ребра в ней кривые, поверхность оболочки смята. Северо-восточный парус, часть которого упала вместе с куполом, получил при реставрации заметную даже простым глазом выпуклость, переходящую наверху в излом³³

³⁰ Emerson—Nice, 1951, p. 103; Swift. Op. cit., p. 158.

³¹ Подробно у Emerson—Nice, 1943 и 1951. Обрушивались каждый раз восточная или западная арка, находящиеся в наиболее опасном положении из-за вытянутой формы пилонов.

³² Известно, что средства на нее собирал в России греческий священник из Константинополя, так как Византийское государство уже не в состоянии было реставрировать замечательнейший памятник.

³³ Emerson—Nice, 1951, рис. 12, 15 и 16.

(рис. 4). Тем не менее эта грубая починка оказалась долговечной; с тех пор не было уже таких катастрофических обрушений, как в VI, X и XIV вв.

В каком-то периоде, скорее всего именно при реставрации XIV в., София была укреплена диагональными аркбутанами, которые поднимались до самого купола³⁴, они были, вероятно, сооружены западными мастерами, знавшими способы компенсировать горизонтальный распор. Эти аркбутаны существовали до реставрации, проведенной в середине XIX в. архитектором русского посольства Гаспаро Фоссати. Их уничтожили как чуждый элемент, не отвечающий образу Софии; вместо аркбутанов у основания купола ввели кольцевую металлическую связь³⁵, скрытую от зрителей и значительно улучшившую условия равновесия. О необходимости элемента, компенсирующего распор купола, будь то аркбутаны средних веков или металлическое кольцо XIX в., может свидетельствовать хотя бы то обстоятельство, что в Софии не было значительных повреждений с тех пор, как эти меры были приняты.

* *
*

Уже много лет назад, в 1884 г., Кондаков предположил, что указания древних авторов о будто бы полной гибели Феодосиевой Софии при пожаре 532 г. не нужно понимать буквально и что остатки старой Софии следует искать в Софии юстиниановой, привлекая углубленный анализ разновременных ее элементов и рассматривая памятник критически, в его историческом развитии, не утаивая слабых его сторон³⁶.

При установлении тех построек, которые предшествовали Софии, на помощь приходит также Милле, подобравший тексты для истории юстиниановой церкви задолго до того, как стало возможным непосредственное углубленное изучение памятника³⁷. Возобновив более чем через 20 лет эту работу³⁸, Милле пришел к следующим выводам: Константин построил небольшие церкви Ирины и Апостолов, а для Софии он только выбрал

³⁴ E. H. Swift. Op. cit., p. 163—164 и п. 222; tab. XVIII и XIX, p. 167. Свифт считает, что контрфорсы добавлены во времена Латинской империи, т. е. в XIII в.; нам кажется более вероятным, что это было сделано при реконструкции XIV в., в которой принимал участие итальянец Перальта; если бы они существовали с XIII в., то, вероятно, могли бы предупредить разрушение XIV в., как они предупреждали их позднее. Знаменательно, что сходный метод был применен при романской реконструкции Сан-Лоренцо в Милане, законченной в начале XIII в.; там диагональными контрфорсами служили угловые башни. Романские мастера, подняв новый купол на высокий барабан, связали его с этими башнями при помощи диагональных аркбутанов — см. G. Chierici in *La basilica di San Lorenzo in Milano*. Milano, 1951, p. 101—103; 150—152; рис. 22, 24 и 47; табл. XXVIII/в и XXXI/в. Там аркбутаны уничтожены при реконструкции XVI в.

³⁵ О значении работ Фоссати см. C. Fossati. *Aya Sofia*. London, 1852, p. 2; Salzenberg. Op. cit., p. 20. E. H. Swift. Op. cit., p. 164; A. M. Schneider. *Die Kirche Hagia Sophia*, S. 6, 31.

³⁶ Н. Кондаков. Византийские церкви и памятники Константинополя. Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. III. 1887, стр. 110—112.

То же у О. Вульфа, ВВ, V, СПб, 1898, стр. 215: „найти следы старой Софии в новой — задача будущих исследований“.

³⁷ F. Millet. *La coupole primitive de S-te Sophie*. *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1923 (по Swift. Op. cit., p. 154).

³⁸ G. Millet. *S-te Sophie avant Justinien*. *Miscellanea G. Jerphanion*, II, *Orientalia christ. periodica*, vol. XIII, III—IV, 1947, p. 597—612.

место, определил ориентацию и едва начал постройку, завещав сыну ее завершение³⁹.

Поражающая великолепием пятинефная «Большая церковь» Константиция, названная позднее, но тоже в IV в., Софией⁴⁰, дважды обрушивалась, а в 404 г. горела. Уже ранее Феодосия II в ней был купол, и притом купол относительно массивный, по-видимому, каменный. Милле считает, что «базилика Феодосия» была фактически лишь третьим восстановлением базилики, построенной при Константиции и уже дважды реставрировавшейся до пожара 404 г.⁴¹ Кондаков уже гораздо раньше приводил и указание Теофана о куполообразной церкви Константиция и Анонима о том, что София, переделанная Руфином, была сводчатой базиликой; на этом основании Кондаков допускал, что старая София уже была сводчатой⁴².

Милле думал, что эту базилику следует искать непосредственно за портиком, открытым Шнейдером под атрием юстиниановой Софии⁴³. Однако если принять во внимание условия местности, то такое предположение должно внушить некоторые сомнения. Крутой откос мешал возведению атрия перед Софией; при Юстиниане он был устроен, но для этого понадобились субструкции высотой в 7 м⁴⁴ у западного края. Базилика, реконструируемая Милле на основании источников, вряд ли могла лежать непосредственно за портиком, который открыл Шнейдер. Предположение Милле отвечало состоянию работ 10 лет назад, когда «портик Шнейдера» был единственным известным зданием, предшествовавшим Софии Юстиниана; в настоящее время положение дела несколько изменилось⁴⁵.

Здесь нам необходимо обратиться к работам турецкого археолога М. Рамазаноглу. В период 1945—1950 гг. раскопки велись под лавами Ирины и Софии, на пространстве между ними и был сделан глубокий раскоп около Ирины. Будучи директором музея Софии, Рамазаноглу имел возможность вскрыть в нескольких точках пол юстиниановой Софии (рис. 5 и 6); эти вскрытия сделаны в зоне главного входа и примыкающих полукружий. Рамазаноглу изучал также столбы у наружных стен и ряд помещений, переходов, заделанных дверей и ниш, в особенности в юго-западном углу Софии, между баптистерием и горологием (см. рис. 1). Хотя Рамазаноглу и утверждает, что их нет ни на одном из планов Софии, но эти помещения показаны и на прекрасном старом плане Проста⁴⁶ и на плане Свифта, где они обозначены как «добавления неизвестного времени»⁴⁷. При исследовании этих помещений и зондажей Рамазаноглу собрал новые сведения как о предшествовавших теперешнему зданию постройкам, так, по-видимому, и о самой юстиниановой Софии⁴⁸.

³⁹ G. Millet. *St-Sophie avant Justinien*, p. 598; против традиционного отношения Софии к Константицию выступают также: Кондаков (ук. соч., стр. 7), J. Ebersolt (*Constantinople*, 2-е изд., Paris, 1951, p. 5), A. M. Schneider (BZ, 36, 1936, p. 78), G. Downey (*Dumbarton Oaks Papers*, 1951, p. 77—78, п. 81 и 83) и др.; все они относят фактическое осуществление замысла Константина к Константиции. Милле, однако, учитывая прямые указания Кедрина и Пасх. хр., допускает (p. 601—602) также, что церковь Константина могла существовать, но была недолговечной, и уже Константиций построил ее заново.

⁴⁰ Текст Сократа, II, 16 у G. Millet. *Op. cit.*, p. 599; Кондаков. Ук. соч., стр. 7—8; A. M. Schneider, BZ, 36, 1936, p. 78.

⁴¹ G. Millet. *Op. cit.*, p. 601—608 и 612.

⁴² Кондаков. Ук. соч., стр. 109—110.

⁴³ G. Millet. *Op. cit.*, p. 610—611.

⁴⁴ A. M. Schneider. *Die Grabung im Westhof der Sophien-Kirche zu Istanbul*. Berlin, 1941, tab. 2 и 7.

⁴⁵ Подробнее см. ниже, стр. 252 сл.

⁴⁶ Воспроизведен у Emerson—Nice, 1951, рис. 6, p. 98.

⁴⁷ E. H. Swift. *Op. cit.*, tab. I—II.

⁴⁸ M. Ramazanoglu. *Die Baugeschichte der Sophien-Kirche Justinians*

Рамазаноглу не удалось, однако, ни систематизировать очень сложный материал, ни даже изложить его так, чтобы такая систематизация могла быть сделана другими авторами. Новые, и иногда очень интересные, данные излагаются хаотично, с громадным числом явно нелепых датировок, с внутренними противоречиями в тексте, а также между текстом, чертежами и фоторепродукциями. Результаты работ наносятся на планы с об-

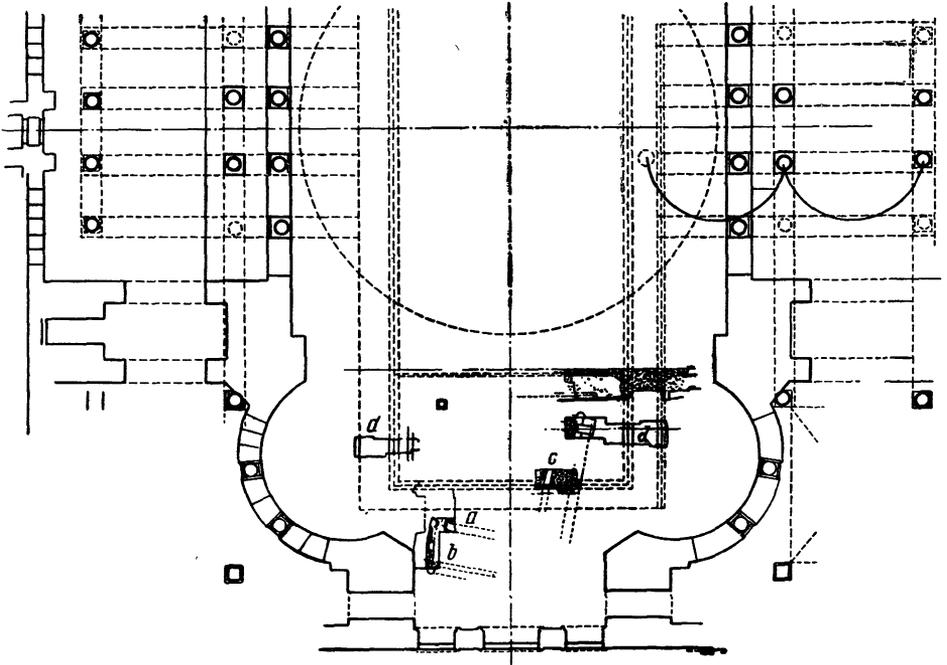

Рис. 5. План западной части нефов и экседры Софии с нанесением зондажей и предполагаемых поперечных арок старой базилики (схема Рамазаноглу)

щепринятыми условными знаками, противоречащими тезисам автора. Поэтому чтение его работ мучительно, а детальное их изучение представляет значительные трудности, рождает чувство досады и неудовлетворенности. Психологически понятно поэтому, что работы Рамазаноглу получили самую отрицательную оценку таких авторитетных лиц, как Лемерль, Жанен и Шнейдер⁴⁹. Работы Рамазаноглу не учитываются ни при исследовании причин, приведших к ранней деформации и к обруше-

и neue Forschungen zur Architekturgeschichte der Irenenkirche und des Komplexes der Sophienkirche. Atti dello VIII Congresso internazionale di Studi Bizantini, 1951. Roma, 1953, p. 224—235.

⁴⁹ P. Lemerle. Revue des études byzantines (далее: REB), X, 1952 (1953), № 127, а также № 94, где он присоединяется к отрицательной оценке первых работ Рамазаноглу у Жанена в REB, VIII, 1950 (1951). О втором цикле его исследований Лемерль отзывается в таких выражениях: „Автор, сделав зондажи, думает, что он нашел указания, благоприятные для его взглядов... , которые, как известно, очень оригинальны“, и далее: „Здесь дано общее описание зондажей 1949 и 1950 гг. и тех выводов, которые автор хочет из них сделать. Elles sont déconcertantes“ (P. Lemerle, IV bulletin, REB, XIII, 1955, № 128 и № 129). Шнейдер (в обзорном труде F. Dölger, A. M. Schneider. Byzanz, 1952, p. 274 и п. 75) дает такую характеристику: „Запутанный отчет, которым не стоит больше заниматься“.

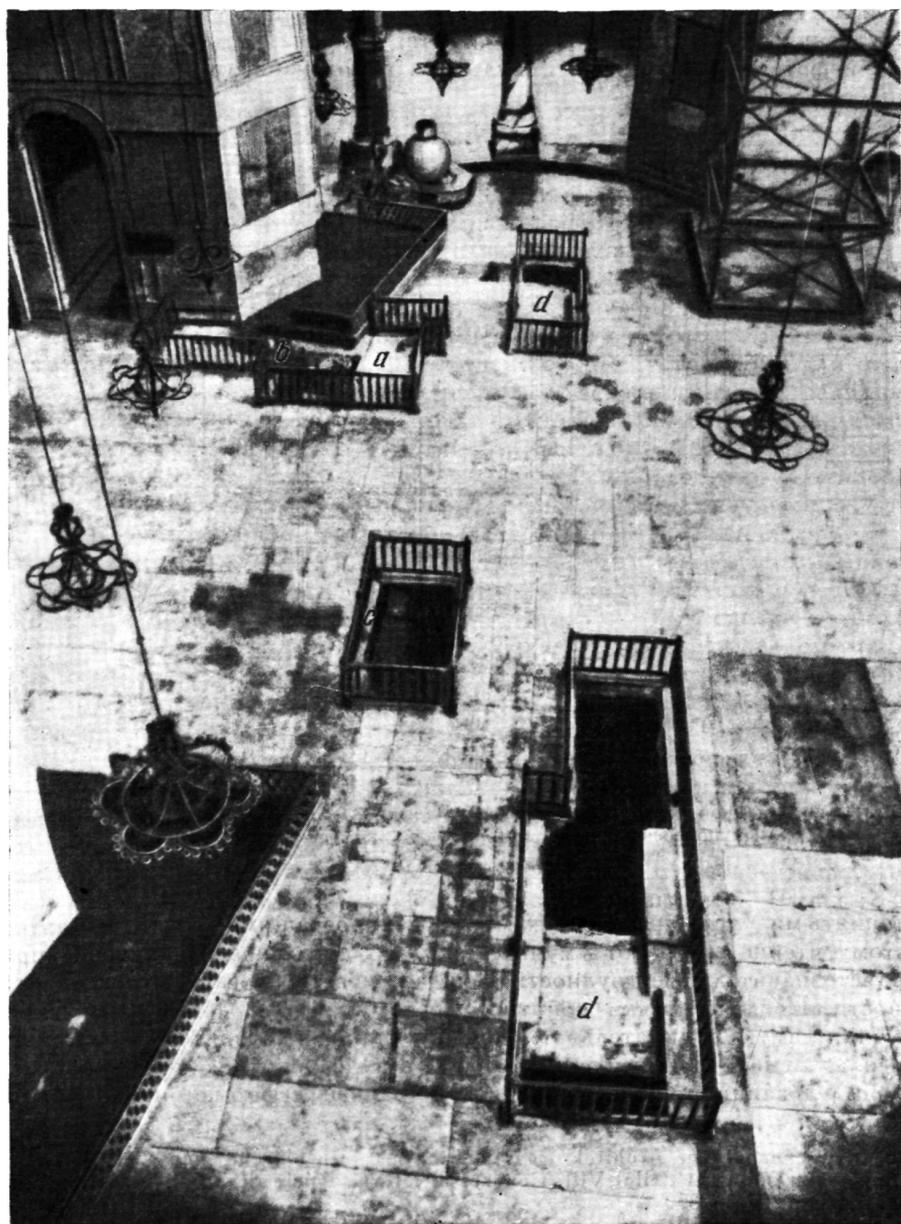

Рис. 6. София. Вид западной части главного нефа из правого полукружия (с зондажами, показанными на плане 5)

ниям замечательного памятника, ни при обсуждении истории предшествовавших ему зданий.

Нельзя считать такое отношение правильным: при всех недочетах и досадных оговорках, свидетельствующих о недостаточной общей подготовке, в работах турецкого археолога все же есть много интересных и, по-видимому, правильных указаний. Если исключить из отчетов Рамазаноглу его часто сомнительные предположения и отойти от предлагаемых им, но, по-видимому, не всегда достаточно обоснованных датировок и атрибуций, то все же получается следующая картина.

Вскрытия в западной части пола главного нефа самой Софии, по-видимому, свидетельствуют о том, что прямо предшествовавшее юстиниановой Софии здание, независимо от того, относится ли оно к V в. (по свидетельству традиции) или же восходит к IV в. (как думает Рамазаноглу), стояло на уровне, лежащем непосредственно под полом Софии. Возникает вопрос о назначении портика, обнаруженного в 1935 г. Шнейдером при изучении атрия. Рамазаноглу считает неправильным отнесение к V в. этого здания, лежащего на 3,6 м ниже уровня Софии Юстиниана, а значит, примерно на целых 3 м ниже предшествовавшей ей и обнаруженной на ее месте постройки; на столь низком уровне может лежать только храм Артемиды, построенный Септимием Севером. Вместе с тем Рамазаноглу признает и сложность вопроса, так как найденные Шнейдером фрагменты⁵⁰ носят явные черты христианской иконографии: крест во фронтоне, вереницы агнцев и т. д.

Из сопоставления данных Шнейдера и Рамазаноглу с текстами, подобными Милле, может, как нам кажется, вытекать такое компромиссное решение. Из данных Шнейдера следует, что София стоит на косогоре, на месте которого атрий был создан только при Юстиниане⁵¹. Поскольку ранее материк находился здесь близко от поверхности, а на вершине откоса расположены дома, раскопанные Рамазаноглу⁵², то портик вряд ли мог непосредственно примыкать к большой постройке, особенно к постройке относительно поздней⁵³.

Вместе с тем, если учесть явно христианскую символику рельефов и очень поздний характер резьбы капителей, то нельзя не согласиться с Шнейдером и Милле⁵⁴, датирующими V веком среднюю часть портика — его пропилон. Учитывая же, что пропилон встроено в портик, капители которого носят еще совсем античный характер⁵⁵, можно было бы думать, что само здание и его портик старше пропилона не на десятилетия, как предпола-

О недостаточной проработанности результатов раскопок высказывается также Ариф-Мюфид Мансель (см. *Fasti Archeologici*, VIII, № 5388).

⁵⁰ Уже в более раннем отчете (*Actes de VI congrès international des études byzantines*, 1948. Paris, 1951, VI, p. 355, 356) Рамазаноглу писал: „Шнейдер открыл портик не церкви Феодосия, а языческого храма Артемиды. Его ввели в заблуждение кассеты, эпистилы и другие находки, которые совсем нелегко датировать. Фрагменты эпистилы с агнцами, найденные в шахте, во всяком случае относятся ко второй церкви Софии — вместе с кассетированными плитами и с консольными карнизами, которые могли быть перетесаны и применены в церкви Феодосия“.

⁵¹ A. M. Schneider, *Atti*, I, 1935; *BZ*, 1936, p. 82—84; *idem*. *Atti*, V, p. 210—212; *idem*. *Die Grabung im Westhof der H. Sophia*, p. 3—21, *разрез* (tab. 2).

⁵² Ramazanoglu. *Op. cit.*, p. 227, рис. 15, 16, 17 (b); здесь рис. 5, 6 (b).

⁵³ Как предполагает Шнейдер. („*Die Grabung im Westhof...*“ 1941, p. 16).

⁵⁴ G. Millet. *Op. cit.*, p. 610—611.

⁵⁵ Ср. у Шнейдера („*Die Grabung im Westhof...*“) табл. 12/2 (капитель портика) с табл. 14—16 (очень поздние капители пропилона). Фронтон (табл. 14/1) явно более ранний, а диск с крестом добавлен в его поле путем стесывания

гает Милле, а на века. Порттик мог бы восходить, как нам кажется, и к гораздо более раннему времени, однако указание Шнейдера на кладку V в. в его задней стене⁵⁶ не позволяет прийти к такому выводу, который напрашивался, по-видимому, и у него. Независимо от датировки портика и его пропилона обширная пятинефная базилика шириной в 60 м, о которой думает Милле, не могла располагаться на этом уровне и непосредственно за портиком. Скорее это должен был быть пропилон, расположенный на два метра ниже самой базилики, возвышавшейся на краю откоса, почти на той же оси. Этот монументальный пропилон может дать представление об аналогичных постройках, примыкавших к другим большим базиликам IV—V вв., о которых сообщают древние авторы⁵⁷.

Возвращаясь к работам Рамазаноглу, рассмотрим сначала то, что кажется в них наиболее вероятным. В ряде помещений между баптистерием и городом, ставших подсобными (рис. 1, А, В, D), в давно заложённых нишах и на сводах он показывает очень своеобразные фрески и мозаики (например, рис. 8 и 14); на сводах пандуса, позднее включённого в пандус Юстиниана, раскрыты столь же своеобразные фрески (рис. 9—10), совершенно отличные от того, что мыслится возможным при Юстиниане. Расположение и состояние этих фресок и мозаик, их заделка в постройку Юстиниана заставляют думать, что все эти произведения, а значит, и несущие их стены и своды восходят к более раннему, вероятно, к очень раннему времени. Рамазаноглу относит их к первой трехнефной базилике, построенной Константином (или реставрированной им), ориентированной параллельно ипподрому, и к последующей пятинефной⁵⁸.

Ссылаясь главным образом на Сократа, Рамазаноглу приходит к выводу, что сама пятинефная базилика, имевшая ширину, которую потом придали юстиниановой Софии, была построена уже при Констанции, с частичным использованием постройки Константина. Базилика Констанция была ориентирована примерно к В, с тем же отклонением на 33°, что и церковь Юстиниана.

Куда же девалась трехнефная базилика Константина? Рамазаноглу утверждает, что центральный ее неф был обращен в нартекс, западный — в эксонартекс пятинефной базилики, а подсобные помещения у ее алтарной апсиды и пандусы с прекрасными росписями и мозаиками сохранились до наших дней у их концов. Наружная же стена восточного нефа была сломана, так что у пятинефной базилики оказался ряд непосредственных входов из нартекса. И действительно, если мы посмотрим на южный фасад Софии в его западном конце (рис. 11)⁵⁹, то имеющий весьма странный вид щипец с как бы отрезанной с правой стороны нижней третью может быть понят как рудимент древнейшей базилики, включенной в ряд последовавших за нею зданий. В пользу предположения Рамазаноглу могут, по-видимому, свидетельствовать также и обнаруженные им в кладке сквозные швы и не совсем правильная разбивка дверей, указывающие в своей совокупности на целый ряд переделок в стене между нартексом и нефом юстиниановой Софии.

⁵⁶ А. М. Schneider. Die Grabung im Westhof. . . , р. 6, 7 и рис. 1 (штампы на кирпичках).

⁵⁷ Ibid., р. 17.

⁵⁸ Шнейдер (ук. соч., стр. 44. и примеч. 8) сообщает, что на месте городолия при Феодосии был монастырь, перенесенный в другое место после пожара 532 г. В настоящее время вновь подробно исследуются помещения слева от южного входа, причем подтверждается наличие частей Софии, заложённых при постройке контрфорса, о чем нет упоминания в текстах (Janin, Op. cit., р. 212).

⁵⁹ Рис. 1 у Рамазаноглу; ср. рис. 4 у Шнейдера („Die Kirche Hagia Sophia“).

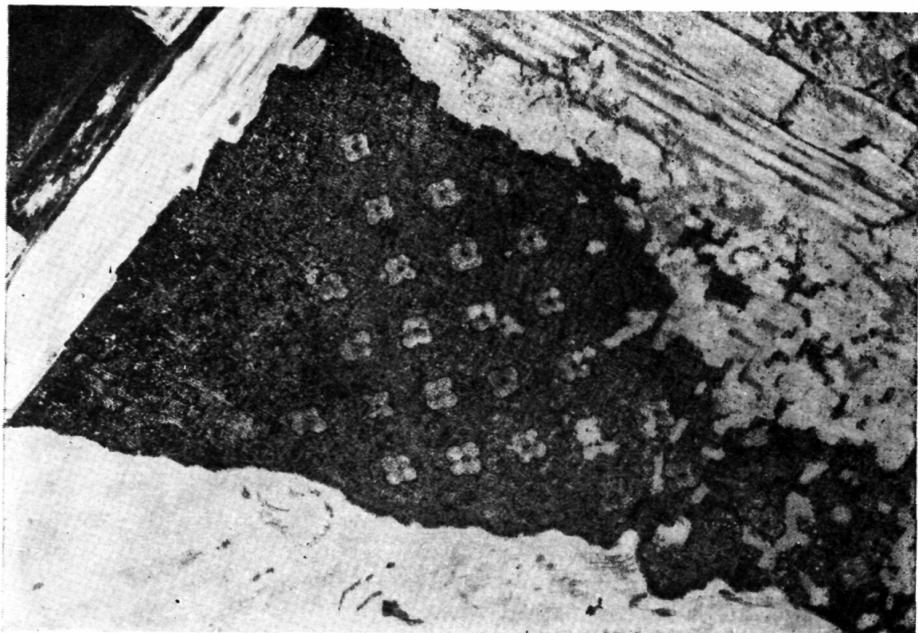

Рис. 7. София. Мозаика на своде лестницы в одном из столбов F (по Рамазаноглу)

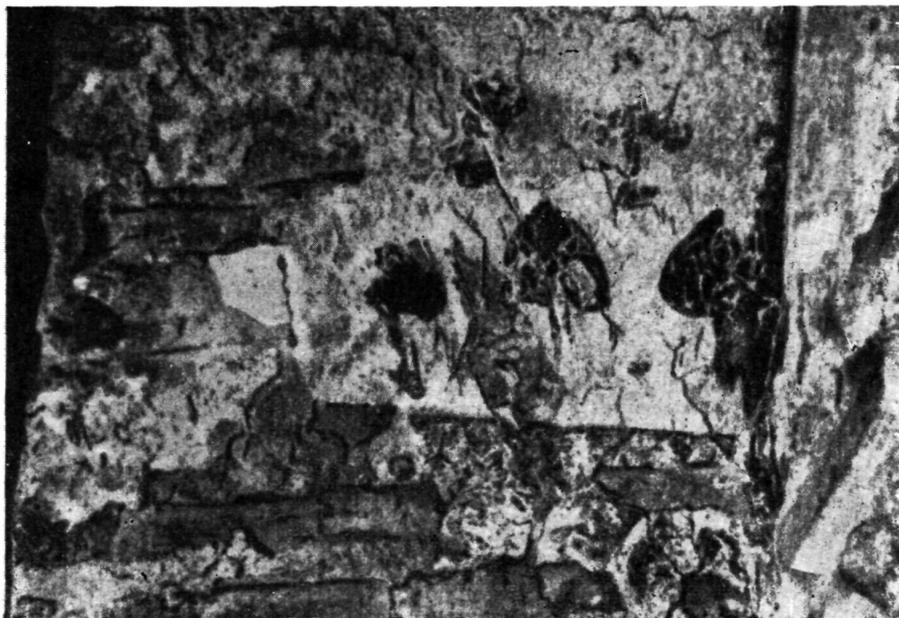

Рис. 8. Фрагменты фресок с мотивом трилистника в заложенной нише С (по Рамазаноглу)

Против его предположения говорит неодинаковость пролетов нартекса, которые уменьшаются от середины к обоим концам, что маловероятно в базилике.

Следуя за Рамазаноглу в нефы Софии, начнем с того, что может быть проверено и сейчас, после закрытия шурфов в полу и в столбах.

Рис. 9. София. Остатки старого здания, заделанные в С.-З. пандус времени Юстиниана (по Рамазаноглу); справа на своде — фрески (см. рис. 10)

Колонны, стоящие попарно в боковых нефы, позади разделяющих нефы рядов больших колонн и около наружных стен, настолько короче юстиниановых, что их принадлежность к предшествующей постройке кажется достаточно вероятной⁶⁰. Нелепость опирающихся на них кусочков поперечных арок видна особенно ясно на фото 12, но может быть усмотрена на чертежах и фото, сделанных авторами, не сомневающимися в одновременности дошедшей до нас Софии (рис. 13)⁶¹. По утверждению Рамазаноглу,

⁶⁰ Свифт (op. cit., p. 64) говорит о необычайной разнородности и разномерности колонн.

⁶¹ Schneider. Op. cit., рис. 17; Swift. Op. cit., рис. 22 и 23; однако в странной форме арок Свифт видит только остроумие архитекторов (p. 103—105).

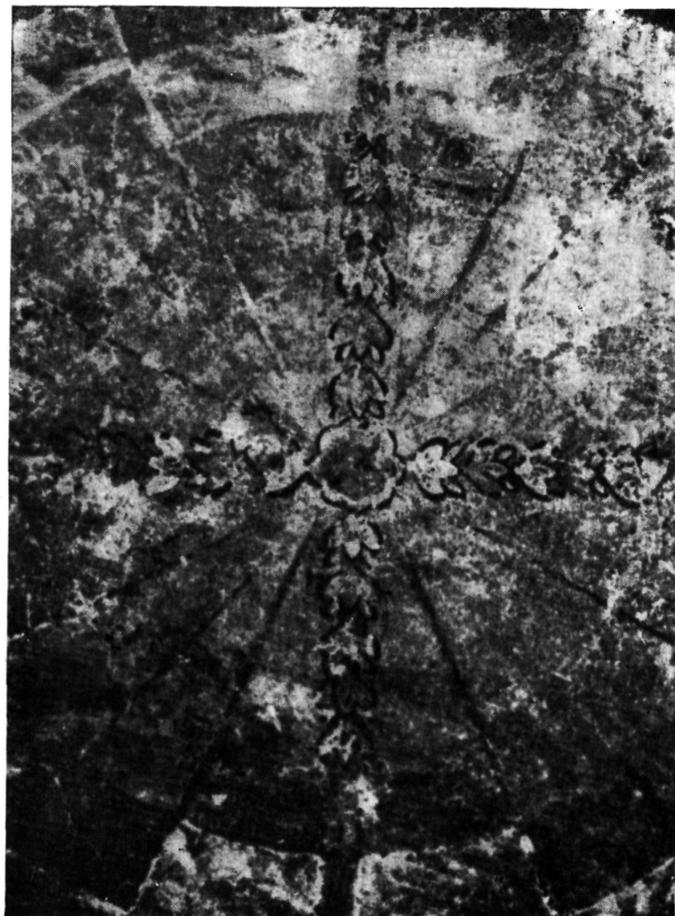

Рис. 10. Два фрагмента фресок на сводах старого здания (по Рамазанову)

эти колонны стоят своими старыми базами на полу той предшествующей церкви, которую сменила София юстинианова; испорченные огнем капители заменены новыми, а боковые нефы Софии приобрели очень странное покрытие, с кусками как бы оборванных поперечных арок, опирающихся нижним концом на относительно низкие колонны и как бы подпирающих другим концом импосты средней из арок главного нефа. На такие же низкие колонны у наружной стены опираются обычные арочки малого пролета, что еще больше подчеркивает уродливость тех, что находятся непосредственно за колоннадой главного нефа. Сходно расположены также и опоры в четырех угловых помещениях, но часть колонн заменена там столбами.

В шурфах главного нефа Рамазаноглу обнаружил два ленточных фундамента, идущих параллельно оси современного здания, в равных расстояниях от колоннад, разделяющих его нефы ($d - d$ на рис. 5 и 6); по утверждению Рамазаноглу, каждый из этих фундаментов отстоит от пар малых колонн ровно на такое же расстояние, на какое сами эти колонны отстоят от пристенных⁶². Если эти измерения правильны, то предположение Рамазаноглу о том, что нефы громадной пятинефной базилики разделялись опорами, часть которых представлена более низкими колоннами боковых нефов, сохраненных вместе со старыми поперечными арками в Софии Юстиниана, уже не покажется невероятным. О том, что пятинефная базилика была построена с необычной расточительностью, могли бы свидетельствовать дополнительные ряды колонн у наружных стен, которых не было даже в больших базиликах города Рима, Ватиканской и Латеранской. Реконструируемая Рамазаноглу древняя церковь ответила бы по своему великолепию ее описаниям у древних авторов⁶³. Система же перекрытия по поперечным аркам могла быть заимствована из сирийских зданий, в которых она преобладала в набатейское и римское время, а также в базиликах и гражданских постройках IV—VI вв.

О том, что в современную Софию включена старая обширная постройка, косвенно свидетельствуют также и четыре столба с лестничными шахтами, расположенные против главных пилонов у наружных стен. Исследование наружных столбов свидетельствует о том, что их кладка не перевязана с кладкой наружных стен⁶⁴. Эмерсон и Найс опубликовали данные об одном столбе — юго-восточном; они подробнейшим образом изучили множество различных кирпичных кладок; определили, что прослойки из каменных блоков приходятся в этой чисто кирпичной кладке только на самые ответственные уровни⁶⁵; отметили, как уже указывалось, что в результате деформаций все ряды кирпича стали наклонными. При всех этих констатациях исследователи исходили из положения, что столбы сооружены по проекту Анфимия и Исидора при Юстиниане; эта дата положена в основу предложенной ими периодизации других кладок, введенных при последовательных перестройках юго-восточного столба.

Рамазаноглу, имея возможность изучить четыре столба (F, F, F, F), обнаружил на сводах лестниц своеобразные орнаментальные мозаики⁶⁶. По композиции, схеме, технике опубликованная мозаика (рис. 7) так резко отличается от орнаментальных мозаик VI—VII вв., что непродубе-

⁶² Ramazanoglu. Op. cit., рис. 15 и 17.

⁶³ G. Millet. Op. cit., p. 601—603.

⁶⁴ Свифт (op. cit., p. 103) считает отсутствие перевязки столбов со стенами характерным для византийской архитектуры вообще, но оно может объясняться разновременностью постройки.

⁶⁵ Emerson—Nice, 1943, p. 113—123, рис. 7—9; 1951, p. 102. рис. 11; p. 164.

⁶⁶ Ramazanoglu. Op. cit., p. 226.

жденному читателю не остается, как нам кажется, ничего другого, как согласиться, что и мозаики, и украшенные ими своды лестниц, а значит, и четыре столба сохранились в своей нижней части от предшествующей постройки, были перестроены и включены Анфимием и Исидором в новую Софию. Это предположение находит свое подтверждение в исследовании Милле, который выяснил, что пожар 404 г. носил ограниченный характер и должен был повредить главным образом центральную часть здания⁶⁷.

У древних авторов есть ряд указаний о том, что первоначально, до обрушения, эти столбы были гораздо ниже; только позднее, при восстанов-

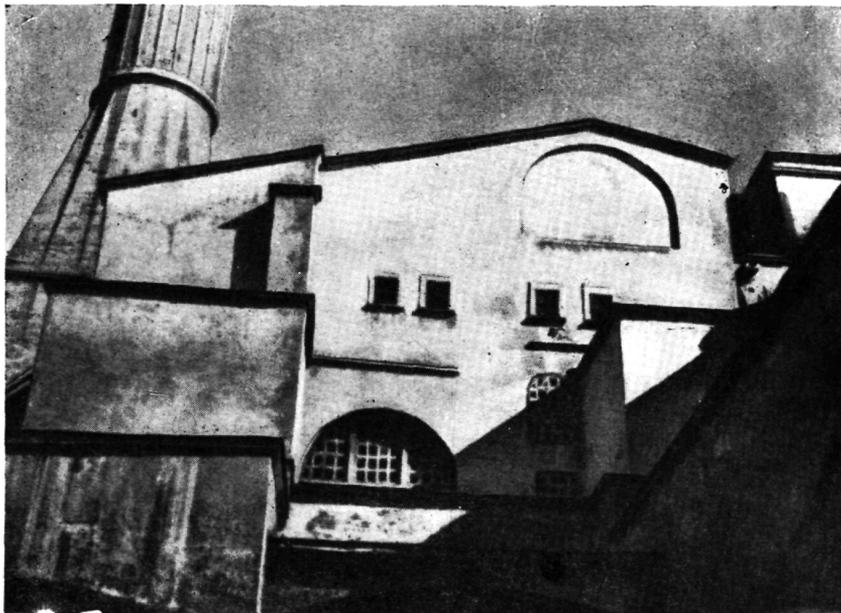

Рис. 11. София. Вид с юго-запада; шпирец над южным входом как бы обрублен справа

лении купола, они были доведены до его основания. Весьма возможно, что именно нижняя часть относится к V в. н. э.

В юстиниановой Софии эти лестницы уже не могли выполнять свою основную функцию — разгружать галереи, так как на уровне боковых нефов в них устроены глубокие ниши. Новая функция — соединять галереи с уровнем крыш — была второстепенной: главная роль и лестниц, и доведенных до той же высоты поперечных стен, действительно, стала, по-видимому, только конструктивной.

Все это отнюдь не требовало мозаичного декора на сводах, особенно в условиях жесткой экономии, строго ограничивавшей все расходы, не связанные с великолепием церковного интерьера. Раскрытие на лестницах внутри столбов ранних мозаик могло бы свидетельствовать о том, что предполагаемая ранняя базилика должна была иметь ту же ширину, что и юстиниановская София.

Боковые входы восточного фасада, роль которых в стройной композиции Анфимия и Исидора неясна, видимо, не входили в нее вовсе: это скорее

⁶⁷ G. Millet. Op. cit., p. 601—609.

всего остатки боковых помещений около апсиды старой базилики, которые были заброшены после пожара 404 г. и превратились во входные тамбуры новой Софии только гораздо позднее. Такое объяснение не противоречит

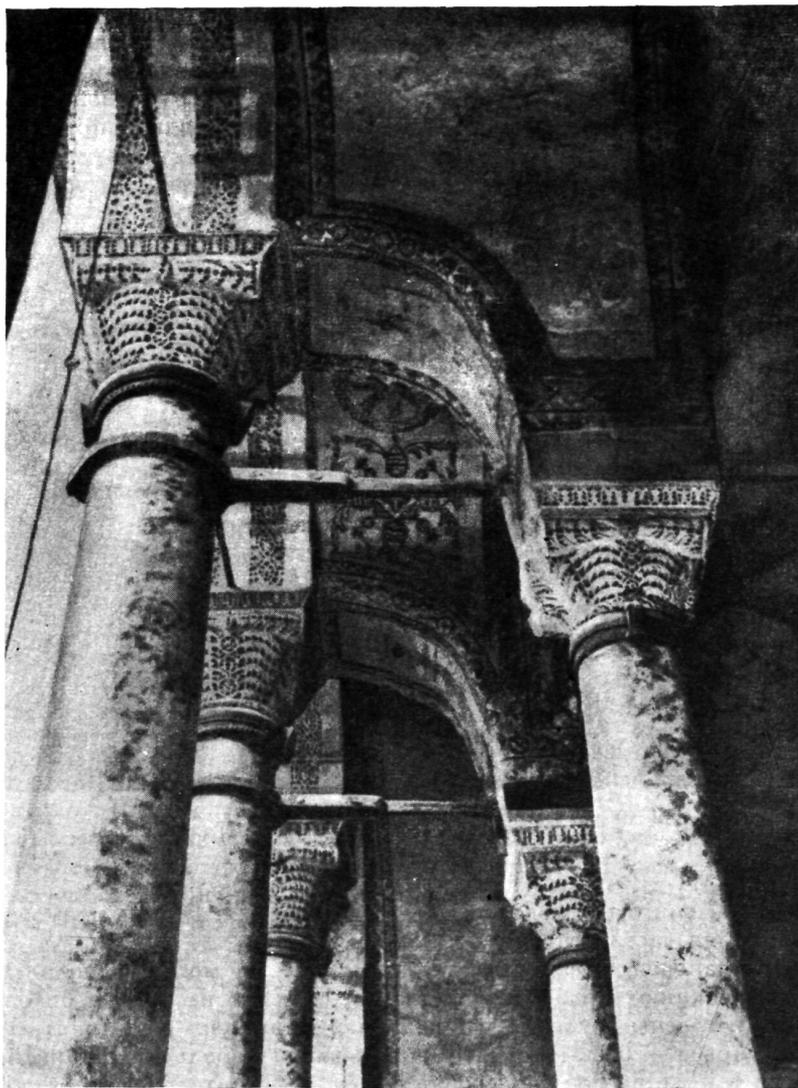

Рис. 12. София. Вид «оборванных» арок по середине южного нефа; слева — большие колонны, отделяющие боковой неф от главного

исследованиям Мамбури⁶⁸ и, по-видимому, подкрепляется изучением кладки апсиды⁶⁹.

⁶⁸ E. Mamboury. Topographie de S-te Sophie, Atti, V, p. 200 и план восточной части Софии.

⁶⁹ Ramazanoglu. Op. cit., рис. 21; отмечаем расхождение между стр. 228 (главная апсида совсем исчезла) и стр. 229 (при Констанции в этой стене было окно или ниша). Еще более неясностей в исследовании входной части: западнее точек G, G, G (рис. 1), к западу от восточной стены юстинианова нартекса, Рамазаноглу

Особенно интересен поднятый Рамазаноглу вопрос о времени постройки и о структуре четырех главных пилонов, несущих исправленные подпружные арки и паруса первой постройки и купол Исидора Младшего. Как известно, авторы указывают на их именно недостаточность, которая обнаружилась уже в процессе постройки⁷⁰, а позднее была известна Исидору Младшему и его помощникам⁷¹. Обычно считается, что речь идет о недостаточных размерах вновь сложенных пилонов; Рамазаноглу же утверждает, что «четыре каменные столба, несущие современный купол, сделаны массивными von der Gallerie ab (?) только при Юстиниане, так как (первоначально. — С. К.) они не несли такой большой нагрузки, как теперь»⁷²; речь, видимо, идет о тех заложенных проходах, которые были одновременно (в 1951 г.) зафиксированы также Эмерсоном и Найсом⁷³

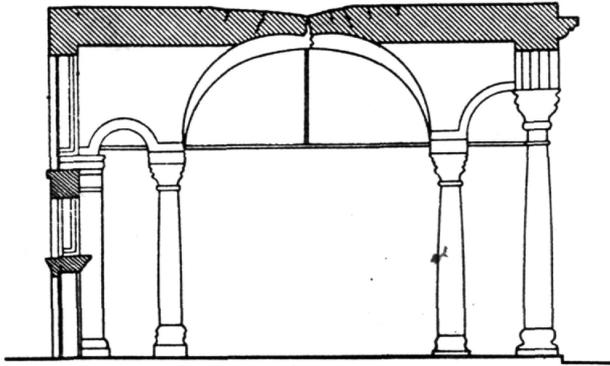

Рис. 13. София. Разрез южного нефа по поперечной оси (по Свифту)

(см. рис. 15, 16 и 17). Предположение о том, что главные пилоны восходят к более ранней постройке, могло бы хоть отчасти объяснить несоответствие вытянутой в плане формы пилонов — купольной конструкции, а также наличие в них сводчатых проходов.

Ни у одного из авторов мы не нашли указания на то, что необходимо учитывать разницу между великолепной кладкой главных пилонов в их нижней части, где она состоит из громадных квадров⁷⁴, и кладкой на

предполагает самую раннюю трехнефную базилику, ориентированную С—Ю и затем превращенную в нартекс и эксонартекс большой пятинефной базилики (op. cit., p. 227). Вместе с тем на той же стр. 227 говорится об остатках жилых домов гораздо восточнее нартекса (op. cit., рис. 15 и 17). Автор предлагает считать, что дома выросли здесь в промежутке между частичным разрушением старой церкви в 404 г. и окончательным ее разрушением в 532 г. Ramasanoglu Op. cit. p. 227, p. 231). Однако трудно себе представить эти жалкие домишки загораживающими вход в главный храм столбцы; совершенно неясным остается взаимоотношение остатков этих домов с полом пятинефной базилики по вертикали. Слабую разработку этого вопроса правильно отметил Жанен [REB, X, 1950 (1951), p. 200, 201].

⁷⁰ Проконий. О постройках, I, 1, 68—78 (ВДИ, 1939, № 4).

⁷¹ Феофан. Хроника. Перевод Rivoira, Roman Architecture, 1925, стр. 276: «архитекторы объясняли катастрофу неудовлетворительной (defective) конструкцией больших пилонов в результате экономии». Перевод W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 29: «... для экономии эти столбы были слишком облегчены проемами» — еще ближе отвечает их действительному состоянию.

⁷² Ramazanoglu. Op. cit., p. 230 и рис. 24 (читаем „auf“ вместо „ab“); одновременно было, по-видимому, заложено и пространство между пилонами и ближайшими колоннами верхней экседры (там же, рис. 25, у нас 18).

⁷³ Хотя изображения и повернуты в разные стороны (ср. рис. 15 и 16).

⁷⁴ Ramazanoglu. Op. cit., фото рис. 23.

уровне галереи, там, где в ней были заложенные впоследствии проходы; а между тем эта разница очень велика и могла бы свидетельствовать о трех (а не двух) периодах в кладке столбов; первому периоду могли бы отвечать паруса и купол предшествующей церкви, расположенные на целый ярус ниже, чем в юстиниановой Софии (аналогично соседней Ирине).

Вместе с тем достаточно взглянуть на план 5, чтобы отвергнуть предположение Рамазаноглу, будто бы столбы с лестничными клетками и тесно связанные с ними главные пилоны могут быть одновременны с пятинеф-

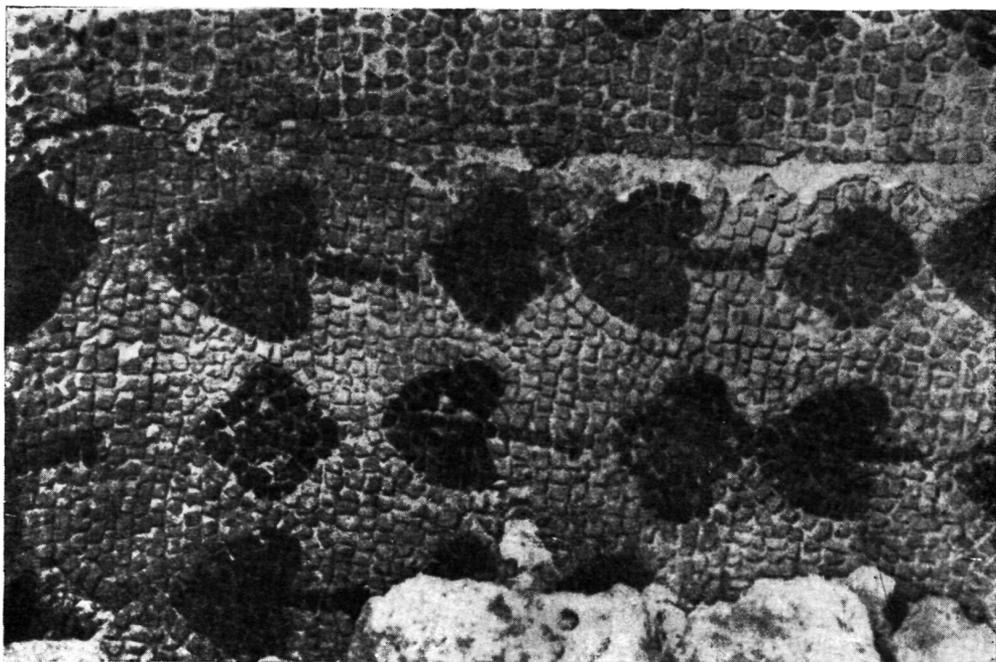

Рис. 14. Ранняя мозаика с мотивами трилистника и копья в нише под лестницей позднего контрфорса Д (по Рамазаноглу)

ной базиликой, которую он относит к Констанцию: главные пилоны и столбы перебивают ровный, метрический шаг поперечной арочной конструкции. Если пилоны и столбы не построены заново Анфимием и Исидором (а это еще нужно проверить), то они должны представлять какую-то перестройку, промежуточную между первоначальной пятинефной базиликой и юстиниановой Софией, т. е. «церковь Феодосия» древних авторов.

Если принять, что пилоны были встроены в еще более раннюю пятинефную базилику, то это объяснило бы наличие в них сводчатых проходов на уровне галерей: ставшие непонятными при относительно узких галереях юстиниановой Софии, эти проходы были бы рациональны при предполагаемых прежних галереях, которые могли занимать всю ширину двойных боковых нефов в базилике Констанция.

Многokrатно повторенный тезис Рамазаноглу, будто бы Большая церковь Констанция была прямым предшественником юстиниановой Софии⁷⁵ (а София Феодосия как бы не имела к ним прямого отношения⁷⁶), встре-

⁷⁵ Ramazanoglu. Op. cit., p. 225, 226, 230, 234.

⁷⁶ Ibid., p. 229.

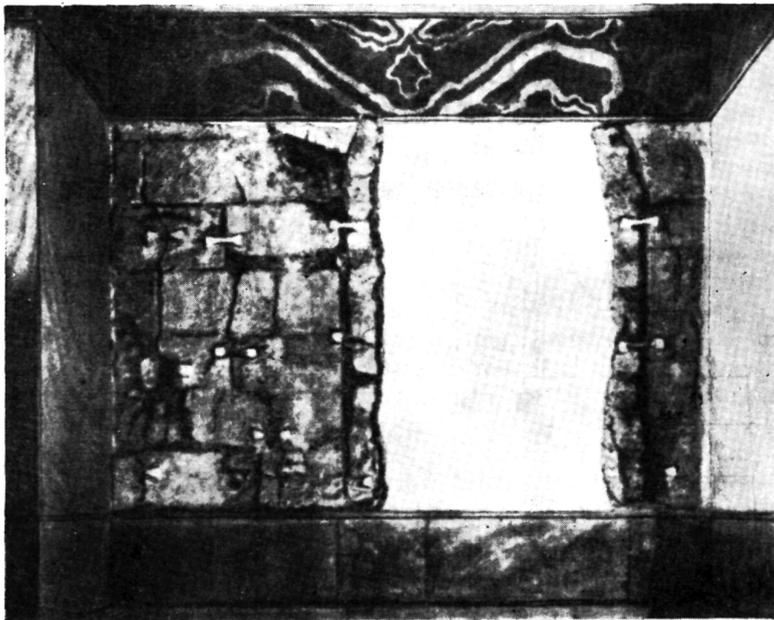

Рис. 15. София. Юго-восточный пилон на уровне галереи, вид с юга (фото Рамазаноглу). Отпадение штукатурки обнажило сводчатый проход, отвечающий декоративной арке на рис. 2

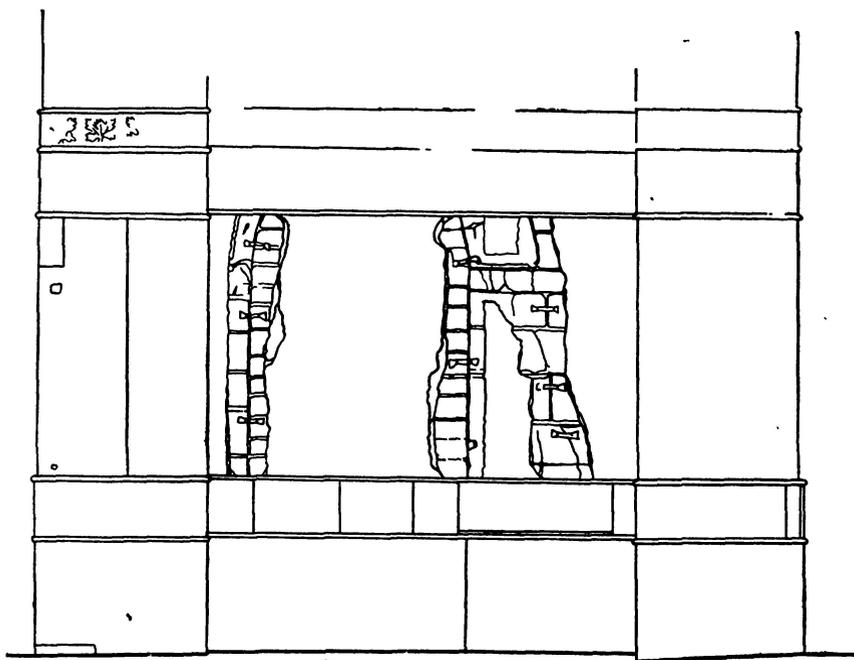

Рис. 16. София. Юго-восточный пилон с проходом; в пятах свода видна свинцовая прокладка (по Эмерсону и Найсу, 1951)

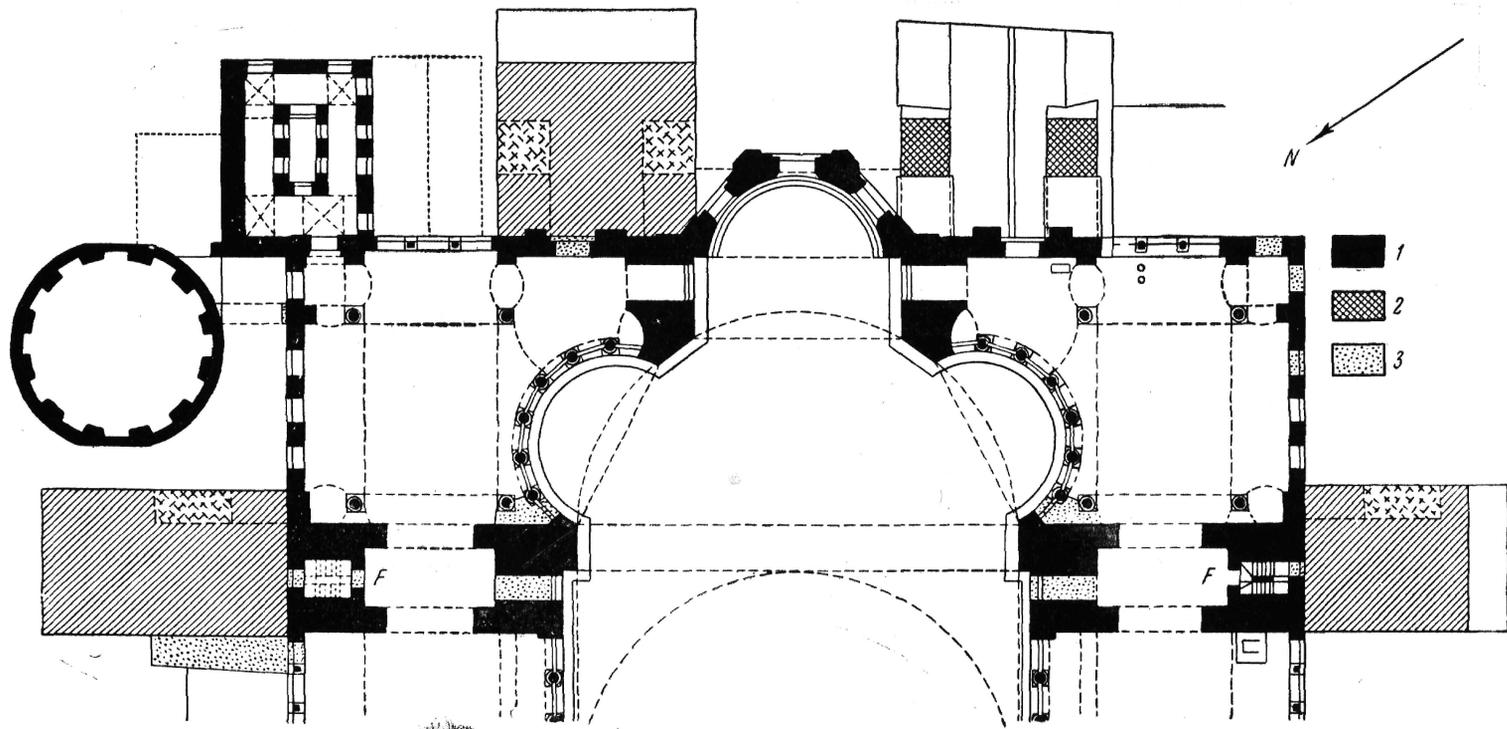

Рис. 17. София. Часть плана на уровне галереи с закладкой проходов в пилсах и промежутков между пилонами и примыкающими колоннами экседр
 [1 — период Юстиниана; 2 — латинский период; 3 — добавления неизвестного времени (по Свифту)].

чает наиболее яростные нападки Жанена; он подчеркивает, что «говоря о реконструкции Софии Юстинианом, (древние. — С. К.) авторы не имеют в виду никакого иного здания, кроме здания Феодосия II»⁷⁷. Таким образом, самый принцип, что София Юстиниана была лишь реконструкцией более старой церкви, не встречает возражений со стороны Жанена.

Милле, со свойственной его работам четкостью, устанавливает, что София Констанция была не только большой, необыкновенно нарядной церковью, но что она дважды обрушивалась до пожара 404 г., причем между первым и вторым обрушением в ней уже был не деревянный, а массивный купол⁷⁸. София Феодосия II была тоже не новой постройкой, а третьим восстановлением Большой церкви Констанция, о мощной тесаной кладке которой упоминает Пасхальная хроника при описании пожара 532 г.⁷⁹ Однако авторы обычно пишут о ней как о постройке Феодосия, что и приводит к бесконечным спорам о местонахождении всех этих «церквей». Для Милле же ясно, что все они представляют лишь ряд последовательных реконструкций одной и той же церкви.

Статья Милле опубликована в 1947 г., и он, естественно, связывал все последовательные «Софии» с портиком Шнейдера, лежащим на глубине 3,6 м под атрием Софии. Если же отбросить это предположение и попытаться связать исследование Милле с поисками доюстиниановой Софии под собственным ее полом, в ее сводах, колоннах и стенах, то может оказаться, что данные, собранные Милле, будут в значительной мере содействовать дальнейшей разработке проблем, поставленных раскопками Рамазаноглу. Данные Милле очень хорошо разъяснили бы те предположения, которые напрашиваются при взгляде на недоработанные схемы Рамазаноглу, но которых он сам не только не сделал, но и упорно отвергает. По нашему мнению, схемы Рамазаноглу могли бы быть истолкованы в свете указаний древних авторов и соображений Милле в том смысле, что пяти-нефная базилика многократно перестраивалась и была покрыта куполом (не деревянным) уже до Феодосия и при Феодосии, а затем вошла в состав юстиниановой Софии в виде остатков церкви, считавшейся тогда Софией Феодосия II.

Постройка, предшествующая юстиниановой и горевшая во время восстания Ника, не была, по-видимому, уничтожена ни при пожаре, ни при последовавшей расчистке площадки под новую постройку. Это было монументальное здание с красивыми колоннами позднеимперского ионического ордера, сохранившимися на галерее юстиниановой Софии (рис. 18). Его своды были украшены росписями и мозаиками, а стены облицованы мрамором. Высокими качествами постройки и следует скорее всего объяснить то обстоятельство, что значительные ее части хорошо противостояли огню и что было решено не ломать все руины, а включить их в новую постройку.

Таким образом, ни Констанций, ни Феодосий не строили заново обрушившийся или сгоревший храм; а позднее, после первого обрушения юстиниановой Софии, в составе памятника были сохранены даже деформированные боковые подпружные арки и выпученные стены, не говоря уже о показавших свою недостаточность пилонах. Значит, практика включения старых частей в новое здание была широко распространена и в IV, и в V, и в VI вв. Но почему же тогда не согласиться с древними авторами и с предположениями Кондакова и Рамазаноглу о том, что при постройке первой юстиниановой Софии тоже были использованы те части, которые не повредил пожар Софии феодосиевой, случившийся в 532 г. во время восстания

⁷⁷ R. Janin, REB, X, p. 200, 201.

⁷⁸ G. Millet. Op. cit., p. 602.

⁷⁹ Ibid., p. 610.

Ника? Ведь это могло не только удешевить, но и ускорить постройку — а эти два фактора играли для Юстиниана одинаково важную роль.

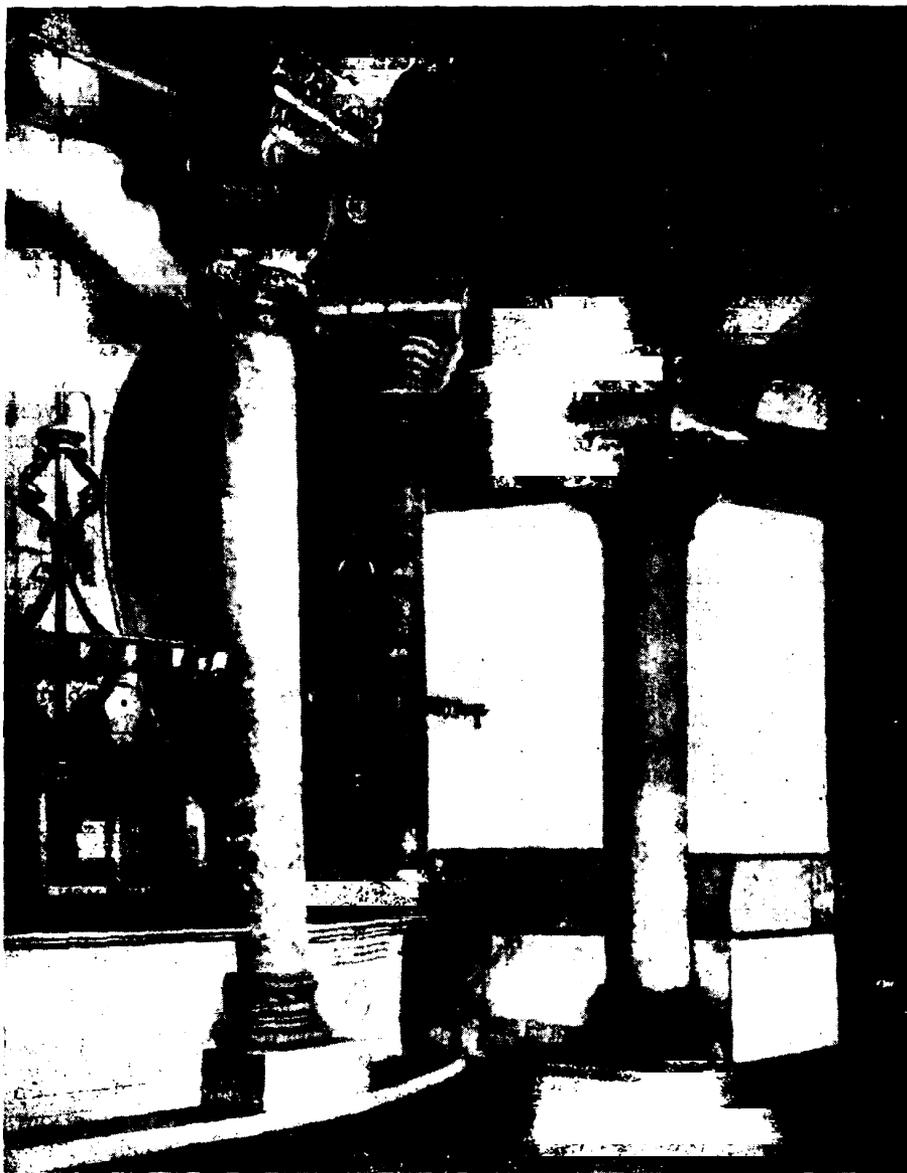

Рис. 18. София. Пилон и колонны примыкающей экседры на галерее; промежутки заложены позднее (фото Рамазаноглу), ср. рис. 16

Самый факт включения старых частей, по крайней мере, в пандусы, пристройки и в боковые нефы Софии не может уже, как нам кажется, возбуждать сомнения⁸⁰. Работы Рамазаноглу поднимают ряд интереснейших

⁸⁰ Хотя Шнейдер („Die Grabung im Westhof...“, S. 7) отрицает применение каких-либо старых частей. По Свифту (op. cit., p. 69), многие проемы пробиты в кладке, что тоже свидетельствует о включении старых стен.

вопросов, решение которых имело бы большое значение не только для истории Софии, но и для истории столичного строительства в IV—V вв., о которой мы так мало знаем. Но для этого требуется ряд дополнительных и проверочных исследований, которые осветят недостаточно иногда обоснованные утверждения Рамазаноглу.

Главные пилоны играют наибольшую роль в устойчивости Софии; сложенные из блоков известняка, а не из кирпича, они представляют особые трудности для датировки; именно о них Рамазаноглу говорит слишком глухо, чтобы можно было исключить другие предположения. Поэтому до новых дополнительных исследований остается три варианта:

1) пилоны IV или V в. были сохранены в постройке Юстиниана с заполнением сводчатых проходов на уровне галерей (вариант Рамазаноглу);

2) пилоны купола юстиниановой Софии были сложены заново, но первоначально в них были сводчатые проходы (вариант Эмерсона и Найса, принимаемый, по-видимому, также и Свифтом⁸¹);

3) пилоны были встроены в базилику IV в.; позднее, при Феодосии II или при первой постройке Юстиниана, были добавлены верхние части с проходами в них; наконец, вероятно при реконструкции Исидора Младшего, были заложены проходы (наше предположение).

Столбы, несущие нагрузку, огромную даже при монолитной кладке, оказываются при всех предположениях неоднородными. В данном случае нас интересует объяснение ошибки, еще ослабленной и без того недостаточные по площади и нерациональные по форме пилоны.

Понятно, что при уровне строительной механики того времени эти последствия не могли быть учтены математически, поскольку решение столь сложной статической задачи не было бы легким делом даже и теперь. Возможно даже, что строители первого купола могли первоначально не знать о пустотах, которые были заполнены только потом в процессе постройки, когда пилоны показали свою недостаточность. Исидор же Младший мог не знать о неоднородности пилонов. Первоначальная облицовка сохранилась и, возможно, не снималась: этим можно было бы объяснить расхождение источников: Прокопий пишет, что блоки тесаного камня укладывались на свинцовых прокладках; Силенциарий — на растворе, а более поздний Аноним Бандури говорит о скреплении блоков железными кламмерами⁸².

Сейчас трудно установить точный ход событий и определить, знали ли строители первого, а затем второго купола или не знали о неоднородности главных несущих столбов; а если знали, то в какой мере учитывали они эту неоднородность в своих расчетах. Здесь приходится считаться с ролью самого Юстиниана⁸³, лично вмешивавшегося в решение не только художественных, но и технических вопросов и, видимо, требовавшего ведения работ в сроки, нерациональные даже при однородной, одновременно исполненной кладке. Тем более опасными для дела должны были эти темпы оказаться в условиях неоднородной кладки, использования частей старого здания. Во всяком случае многозначительно, что в здании, декор и обору-

⁸¹ Swift. Op. cit., табл. II (условный знак: „перестройка неизвестного времени“).

⁸² Swift., Op. cit., p. 51. В действительности же блоки уложены на растворе (Ramazanoglu. Op. cit., p. 229), но имеются и свинцовые прокладки (Etherso — Nice, 1951, рис. 10, p. 102). Следует проверить указание Рамазаноглу, что под мраморными плитами во многих местах обнаружены мраморные же цапфы и железные кламмеры (рис. 23), которые применялись для крепления облицовок только при Константине и Констанции, а затем — лишь до середины V в. (стр. 229).

⁸³ Gl. Downey. Byzantine architects, their training and methods. Byz., XVIII, 1948, p. 100, 105. Прокопий всячески подчеркивает особо близкое участие в руководстве строительством самого Юстиниана.

дование которого стоили невероятных средств, ложившихся тяжелым гнетом на население, в этом первом и великолепнейшем храме новой мировой империи экономия была сделана там, где она была совершенно недопустимой, — в четырех главных подкупольных пилонах.

Здесь уместно будет вспомнить, что главным в понимании строительства и архитектуры было в те времена не качество строительных работ, а изощренность геометрического начертания, и что именно так понимали архитектуру авторы описаний, а значит, и читатели, на которых эти описания рассчитаны⁸⁴. Недаром были оба архитектора Софии математиками-геометрами, крупнейшими теоретиками и профессорами своего времени⁸⁵; поэтому их и называли «механикос» в отличие от рядовых архитекторов и в соответствии с новой терминологией, уже не отвечавшей принятой ранее в Римской империи, когда Аполлодор из Дамаска именовался «архитектором»⁸⁶.

Художественная гениальность и глубочайшие по тому времени математические знания великих византийских архитекторов не могли все же заменить того громадного практического опыта, индивидуального и коллегиального, которым обладали строители римские. В условиях римского строительства, когда отдельные коллективы оттачивали свое мастерство на ряде постепенно усложнявшихся объектов, а величайшие мастера, вроде Аполлодора Дамаского, проходили суровую школу военного и инженерного строителя, немислимым было бы то, что произошло в Софии.

В римских условиях гениально-смелая идея — поднять большой, тяжелый каменный купол на громадную высоту, оперев его на отдельно стоящие опоры, — вряд ли могла возникнуть ранее, чем это было бы проверено на менее ответственных объектах; так, постройке Пантеона предшествовал в течение 200 лет ряд купольных ротонд, в которых диаметр увеличивался постепенно, от декады к декаде; громадным крестовым сводам терм Каракаллы предшествовали, начиная со времени Веспасиана, столь же высоко поднятые, но меньшие крестовые своды многих термальных и рыночных зал.

В тех прежних условиях никто не решился бы включить в грандиознейшую постройку старые, непроверенные части, особенно части, конструктивно столь ответственные, как подкупольные пилоны. Здесь должно было сказаться некоторое снижение строительной активности в предшествующем V в., когда выдающиеся памятники строились преимущественно императорским двором, постоянно менявшим свое местопребывание. Переселение двора из Рима в Трир, Милан, Равенну, разделение империи на две части — все это не могло содействовать развитию стойких строительных традиций, особенно в Константинополе, относительно новом городе, где со времен Константина привыкли действовать по указке императора: строить очень быстро, не смущаясь частыми обрушениями. Храм Софии оказался типичным для Константинополя именно в этом отношении: в мире нет, вероятно, другого выдающегося памятника, который обрушивался бы и восстанавливался столько раз, как Константинопольская София.

* *
*

Как известно, большую роль во внутренней отделке Софии играют мраморные облицовки нижних ее частей, а главное — покрывающие своды и

⁸⁴ Gl. Downey. Op. cit., p. 117—118.

⁸⁵ Ibid., p. 112—113.

⁸⁶ Ibid., p. 110—111.

некоторые участки стен мозаики, исполненные преимущественно на золотом фоне; в некоторых местах, например в амбразурах окон, введен фон серебряный, усиливающий световой эффект проемов.

Мозаики Софии разновременны, и датировка мозаичного декора представляется еще совершенно невыясненной. Известно, что сохранившиеся человеческие фигуры возникли после периода иконоборцев. Вполне понятно, что фигурные мозаики, даже если бы они и входили в состав первоначального декора VI в., вряд ли могли бы дойти до нас. В главном храме империи, который постоянно посещался императорами, в том числе и правителями-иконоборцами, они должны были быть уничтожены в первую очередь; не случайно, что немногие примеры ранних фигурных мозаик сохранялись не в Константинополе, а в таких городах, как Никея⁸⁷.

В силу этого отсутствие древних фигурных мозаик должно быть доказано иным путем, а не отсутствием их в теперешнем здании. Современная наука исходит из негативного свидетельства: авторы умалчивают о них. Подробнейшим образом описывая все здание, его утварь и драпировки, даже фигурные изображения на тканях, ни один из авторов не упоминает о фигурных мозаиках или о росписях в первоначальной Софии. Поэтому весь ее декор в VI—VII вв. мыслится орнаментальным⁸⁸, со включением некоторых символических, но аниконических изображений. Такими являются бесчисленные кресты на сводах и арках и несколько изображений «пустого трона», обычных при аниконической концепции⁸⁹.

Видевшие Софию единогласно свидетельствуют о необыкновенном мерцании ее мозаик как при вечернем, так и при дневном свете, особенно при восходе и на закате солнца, когда лучи пронизывают купол насквозь и хорошо освещают все своды. Выполнение мозаик содействует совершенно особенному впечатлению от них благодаря тому, что отдельные части сводов сопрягаются не геометрически правильными, острыми ребрами, а мягкими, слегка закругленными переходами⁹⁰.

Сама форма сводов не отличается геометрической правильностью; как подтвердили подробные обмеры Эмерсона и Найса, полуциркулярная кривая встречается только в виде исключения⁹¹. Преобладают же кривые, то слегка повышенные и подковообразные, то многоцентровые, приближаю-

⁸⁷ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, 1947, т. I, стр. 52—54; хотя в Никее и изображен „пустой трон“, типичный для периода иконоборчества, но „силы небесные“ в человеческом образе свидетельствуют о ранней, доиконоборческой дате — VII в. Фрагмент из церкви Николая, единственный столичный, сходен с ними.

⁸⁸ В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 51, примеч. 1—2; W. R. Lethaby, H. Swainson. The church of S. Sophia, 1894, p. 274—283; A. Frolov, BS, XII, 1951, p. 188; R. Dussaud. Syria. 1952, p. 390—391 и т. д. Шнейдер же до конца жизни считал, что фигурные изображения украшали Софию уже до иконоборцев. О наличии ранних фигурных мозаик Шнейдер заключал по известной, но сейчас, к сожалению, нечитаемой надписи на арке вены (BZ, 38, 1938, p. 185). Текст надписи по Antologia Graeca см. у Swift. Op. cit., p. 148 и примеч. 118. Шнейдер относил этот предполагаемый декор к восстановлению Софии при Юстине II, произведенному Исидором Младшим, а сохранившийся орнаментальный декор боковых нефов не к первоначальному декору, а „к позднему времени, что видно по типичной форме крестов и по другим орнаментам“. Концепция Шнейдера отвечает концепции Кондакова (ук. соч., стр. 123—128). Вульф (ук. соч., стр. 218—219) объясняет отсутствие упоминаний у Павла Силенциария наличием в его тексте пробелов.

⁸⁹ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 279, рис. 71—72. Сходное изображение трона в Никее, см. В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 52, табл. 5; A. Grabar, Cahiers archéologiques, 1954, p. 175, — по поводу более поздних мозаик VIII в. в Сен-Жермен-де-Пре.

⁹⁰ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 277; Swift. Op. cit., p. 105.

⁹¹ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 161; Swift. Op. cit., p. 51; подробно у К. J. Conant, BBI, VI, p. 72; обмеры, по-видимому, еще не опубликованы.

щиеся к так называемой «цепной кривой». Эта кривая не только гораздо выгоднее полуциркульной в статическом отношении, но все эти «неправильные» формы выгодны и для эффективности золотых мозаик. Они придают всему зданию характер органический, а не сухо-геометрический, тот характер, который так привлекает нас и в русских храмах.

Вместе с тем, для того чтобы золото мозаик мерцало, а не слепило глаза, принимались и специальные меры. Не только в Софии, но и в других древних зданиях, например в Паренцо, в Иерусалиме (мечеть Скалы), многие кубики ставились под углом в 30° к поверхности, т. е. примерно перпендикулярно к лучу зрения⁹²; при этом на вертикальных или близких к вертикали поверхностях между ними оставляли очень значительные зазоры в расчете на то, что выступающие тессеры будут их загораживать; здесь еще раз проявилась не расточительность, а расчетливость византийских заказчиков и мастеров, когда дело касалось драгоценных золотых тессер.

В условиях сильно деформированной Софии и ее многократных реконструкций очень трудно определить, где кончается сознательное применение нециркульных кривых и где начинается деформация арок, сводов и даже поверхностей стен. Вопрос осложняется еще и одновременностью отдельных сводов, часть которых, как доказывает Рамазаноглу, может восходить даже к доюстиниановским стадиям Софии. О том, какую громадную роль играют в данном памятнике деформации, свидетельствует интерьер Софии в целом. Благодаря расхождению главных пилонов кверху получается неблагоприятный оптический эффект, и купол кажется расположенным ниже, чем в действительности; отсюда впечатление придавренности или падающего на голову купола, о котором говорят некоторые посетители⁹³. Наоборот, при взгляде сверху, с подкупольного карниза, глубина кажется преувеличенной, а подкупольное пространство — колодецем⁹⁴.

Громадные боковые тимпаны заметно выпучились во внутрь главного нефа вместе с несущими их двумя ярусами аркад. Различимое простым глазом, это выпучивание было сочтено за специально предусмотренную проектом криватуру. А между тем выпучивание является естественным результатом все того же расхождения главных пилонов вследствие некомпенсированного распора: непосредственно примыкающие к пилонам части аркад и тимпаны внутри больших подпружных арок отклонялись наружу, увлеченные общей деформацией главных конструкций, а средние колонны нижних аркад остались на месте, что достаточно ясно видно на тех фото, которые сделаны с сильным ракурсом⁹⁵.

Более грубые деформации появились в боковых нефках, где своды лопнули, а наружные стены выпучились⁹⁶ (рис. 13). Можно думать, что именно после этого были введены мощные открытые металлические связи; однако время их устройства, как и время появления связей в деревянных чехлах, в точности неизвестно⁹⁷.

⁹² W. R. Lethaby, H. Swainson. *Op. cit.*, p. 288—289 и рис. 73; Swift. *Op. cit.*, p. 81—82 и рис. 20—21. Об окраске стука в тон тессер см. также у A. M. Schneider. *Die Grabung in Westhof...*, S. 19.

⁹³ G. T. Rivoira. *Roman Architecture*, p. 276 по Кокерель и Джексону. Но Свифт (*op. cit.*, p. 27) утверждает обратное: купол кажется ему слишком высоко расположенным.

⁹⁴ См фото 8 на стр. 100 у Emerson—Nice, 1951.

⁹⁵ Swift. *Op. cit.*, p. 21; Emerson—Nice, 1951, p. 164 и рис. 3.

⁹⁶ Swift. *Op. cit.*, p. 106, рис. 23—24.

⁹⁷ W. R. Lethaby, H. Swainson (*op. cit.*, p. 229—230) считают первоначальными и металлические, и деревянные связи; по их предположению, были еще и

Наиболее интересен вопрос о начертании и о деформации арок и сводов. Второй купол Исидора Младшего первоначально следовал сложной многоцентровой кривой, в нижней части перпендикулярной к слегка наклонному внутреннему карнизу. При всей своей сложности эта нециркулярная кривая первоначально была плавной и снизу должна была казаться частью круга⁹⁸. Теперь она приобрела еще и слегка стрельчатое начертание; это должно объясняться продолжавшим расти расхождением верха пилонов, которое влекло за собою растяжение нижнего кольца купола; следствием явилось понижение верхней его части не менее чем на полметра и искажение первоначально плавной кривой профиля⁹⁹. Таким образом, в главном куполе сочетаются первоначально задуманная сложная кривая с ее искажением от деформации.

Как показали еще неопубликованные обмеры, полуциркулярные кривые и сегменты круга представляют в Софии не правило, а исключение; к ним относятся боковые аркады главного нефа, где при относительно небольших пролетах характер кривой не должен был играть особой статической роли. Но все главные конструктивные части — купол, паруса, подпружные арки, а также многие другие арки и своды — были построены с самого начала по многоцентровым сложным кривым, приближающимся к «цепной» кривой¹⁰⁰, наиболее выгодной в статическом отношении¹⁰¹.

Применение «цепных» кривых представляется продолжением римской традиции; в настоящее время установлено, что большая часть приятных для глаза римских сводов построена не по циркулярной кривой, как думали раньше, а представляет кривые сложные, тоже преимущественно «цепного», конструктивного характера¹⁰². Из этих немногих примеров следует, что только с опубликованием точных, а не имеющихся в настоящее время схематических чертежей, и с исследованием на месте кривых можно будет определить, какие именно своды и арки были нецентрическими с самого начала и какие стали ими в результате деформаций. Выяснение этих вопросов имело бы очень большое значение. С одной стороны, оно дало бы возможность более точно судить об уровне математических познаний поздней античности и об их применении в архитектуре. С другой стороны, оно помогло бы и современной творческой практике, поскольку во многих районах у нас все еще сооружаются каменные (т. е. кирпичные и бетонные) своды. Наконец, оно способствовало бы выяснению многих вопросов эстетического восприятия криволинейных поверхностей вообще и находящихся на них красочных фресок и мозаик в частности.

Из всего сказанного, по-видимому, следует, что София Константинопольская не может уже считаться чудом рационального проектирования и

временные, которые потом убрали. Свифт (op. cit., p. 106—108, рис. 23—24) предполагает, что железные связи были срочно введены сразу после того, как спилили временные деревянные и началась резкая деформация. Но вместе с тем он допускает, что некоторые из железных связей могут быть и первоначальными, назначавшимися главным образом для подвешивания ламп, так как они покрыты узорами.

⁹⁸ Но никогда не была ею; см. Emerson—Nice, 1951, рис. 5 на стр. 165.

⁹⁹ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 214; Swift. Op. cit., p. 51, 154—155, 165.

¹⁰⁰ Conant, BVI, 1946, p. 73—74; Swift. Op. cit., p. 20, 51, 158.

¹⁰¹ Впервые установлено Галилеем, см. Conant, AJA, 1939, p. 589; Swift. Op. cit., p. 51, n. 14.

¹⁰² K. Lehmann-Hartleben, J. Lindros. Opuscula archaeologica, I, 1936, p. 209; E. T. Dewald. AJA, 1922/1923, p. 319 (по Антониади); Конент (Early medieval church architecture, 1942, p. 14), видит примерно-цепную кривую и в первом и во втором куполе Софии; только в расчете на такую кривую и мыслится очень плоский первый купол; эту кривую Конент связывает с восточным влиянием (стр. 10, 15). То же, Conant, BVI, 1946, p. 72.

будто бы идеального, продуманного выполнения, как принимает многовековая традиция.

70 лет исследований все больше и больше подтверждают тезис Кондакова о том, что Софию следует рассматривать в ее историческом развитии, начавшемся, по его предположению, уже до Юстиниана. Это замечательнейшее сооружение должно скорее рассматриваться как наглядный пример безумно и неоправданно смелого проектирования, как здание хотя и великолепное, но не вызвавшее подражаний; несмотря на свои исключительные качества, София не родила нового направления в архитектуре, ее схема не стала типичной.

Для выяснения причин такой странной судьбы Софии небезынтересно проследить еще и судьбу другой, близкой по времени церкви, базилики «В» в Филиппах (так называемой Диреклер, третья четверть VI в.), которая недавно обследована, обмерена и опубликована с образцовой точностью¹⁰³. И в ней была допущена сходная ошибка: купол, как и в столичной Софии, был водружен над средней частью вытянутого в плане здания; он обвалился до окончания отделочных работ. Автор публикации, П. Лемерль, объясняет обрушение тем, что столичный автор попытался применить в провинции передовой по тому времени прием Анмифия и Исидора и потерпел в отличие от них провал. Сейчас можно скорее думать, что неуспех налицо в обоих случаях, но что в столичных условиях, путем последующих остроумных и решительных перестроек и реставраций удалось сохранить драгоценный интерьер Константинопольской Софии, пожертвовав ее внешним видом.

В этом процессе наружный облик Софии неузнаваемо изменился. Исчез облицованный ранее мрамором главный фасад¹⁰⁴: в XIX в. наружные стены были покрашены не гладко, а нелепыми полосами, заставляющими думать, что София сложена слоеной кладкой, которой в ней меньше, чем чисто кирпичной. Многочисленные контрфорсы и аркбутаны охватывают здание, силуэт которого ясен теперь только с больших расстояний, особенно с моря.

Обрушение Софии, завуалированное в официозных рассказах и панегириках Прокопия, Агафия, Феофана и других современников и более поздних авторов, а также в многочисленных легендах, отразившихся в славянских и даже в турецких и персидских сказаниях¹⁰⁵ и окутавших тайной историю Софии, не могло быть скрыто от специалистов. Фактический неуспех был ясен как строителям, так и проектировщикам. Только этим можно, как нам кажется, объяснить, что купольная базилика типа Софии и Диреклера не получила дальнейшего развития ни в Византии, ни в связанных с нею странах. Архитектура культовых зданий пошла, естественно, по иному направлению, имеющему корни в многокупольных крестовидных церквях вроде Неа и Апостолов в Константинополе или Иоанна в Эфесе; а это должно было привести к многовековому преоблада-

¹⁰³ P. Lemerle. *Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. Paris, 1945.

¹⁰⁴ Кондаков (ук. соч., стр. 118) объясняет отсутствие в Софии фасада пристройками времени Юстина.

¹⁰⁵ Кондаков. Ук. соч., стр. 122; Вульф. Ук. соч., стр. 207; Ф. Шмидт. ЖМНП, 1911, № 8, стр. 293—300; С. Вилинский. Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской. Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете, VIII (византийско-славянское отделение, V), 1900, стр. 227—336; В. Д. Смирнов. Турецкие легенды о св. Софии и других византийских древностях. Изд. ф-та восточных языков при С.-Петербургском университете. СПб., 1898; F. Tauer. *Les versions persanes de la légende sur la construction d'Aya Sophia*, BS, XV, 1, 1954.

нию крестовидных и крестово-купольных церквей не только в Византии, но и в связанных с нею странах.

Русские строители, восприняв принципы византийского куполострое-ния и мозаичного декора, тоже остереглись искушения и не стали по-вторять схему сказочно-прекрасного памятника; русская архитектура со-здавала в течение веков все новые и новые церкви, построенные по кре-стово-купольной, а не по базиликально-купольной схеме.

При подробном изучении София все больше и больше перестает ка-заться рядом новых последовательных церквей, строившихся при Констан-тине, Констанции, Феодосии, Юстиниане; постепенно она начинает рисо-ваться как объединение старых зданий, образовавших в совокупности Боль-шую церковь позднеантичных авторов; как ряд перестроек этой громад-ной церкви, приведших к созданию Софии Анфимия и Исидора; как ряд коренных ее реконструкций в VI, X, XIV вв., сопровождавшихся посте-пенной обстройкой основного массива множеством поддерживающих контр-форсов и аркбутанов; и, наконец, как объект современной реставрации, решившейся заменить часть наружных контрфорсов не видимыми для глаза внутренними связями в куполе. Только замечательные интерьеры по-прежнему, несмотря на множество переделок и реставраций, кажутся нетро-нутыми произведениями византийских архитекторов, строителей, резчиков камня и мозаичистов. Но и интерьеры тоже слагались и изменялись в те-чение веков, и в них тоже необходимо проследить множество наслоений и изменений.
